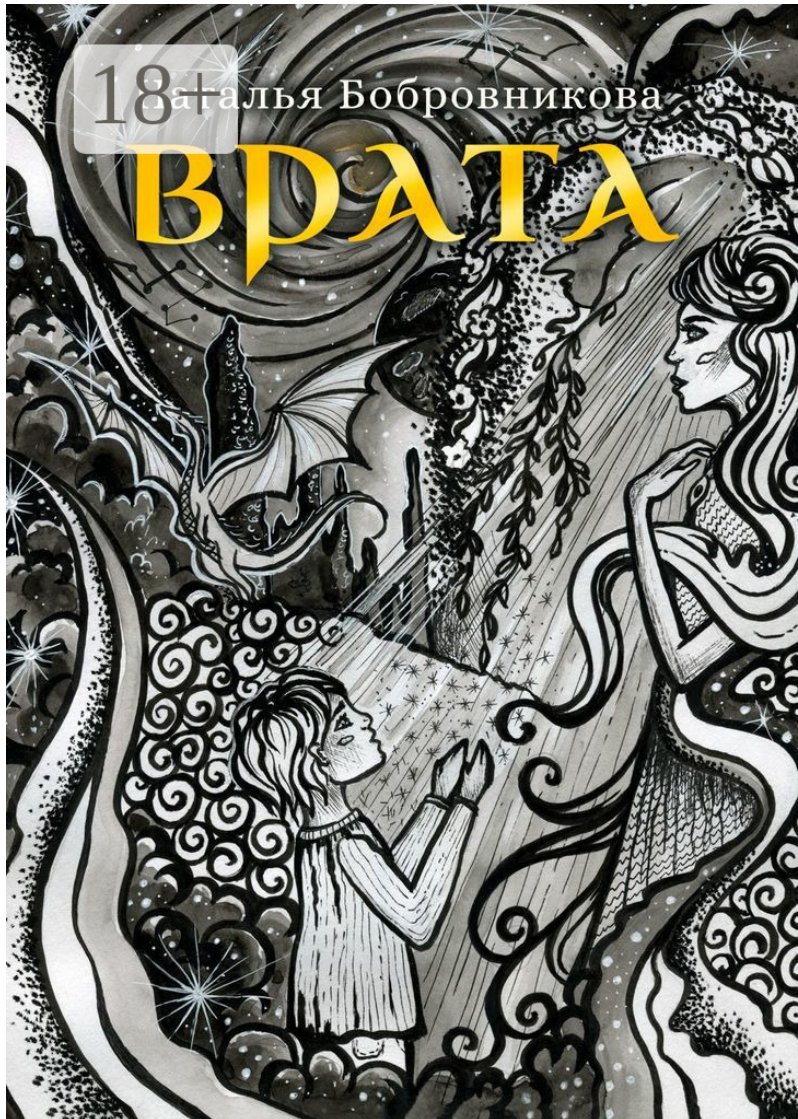

18 таталья Бобровникова

ВРАТА

Наталья Бобровникова

Врата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50435654

ISBN 9785449818607

Аннотация

«Врата» – синтез культурологических знаний, эзотерических практик, исторических фактов и религиозных теорий в жанре фэнтези. На долю братьев-близнецов, разлученных по разным Солнечным системам, выпадает нелегкая задача: не просто спасти наш мир, но и понять, а нужно ли это делать. Когда один из братьев лишается своих мистических уникальных способностей, но встречает половинку – родственную душу, решение принять становится еще сложнее. Особенно если ценой и ответом может стать собственная жизнь.

Содержание

Обращение к Читателю	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	48
Глава 7	59
Глава 8	73
Глава 9	88
Глава 10	95
Глава 11	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Врата

Наталья Бобровникова

Лидия Вершинина *Корректор*

Яна Шпаренко *Иллюстратор*

© Наталья Бобровникова, 2020

© Яна Шпаренко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-1860-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к Читателю

Дорогой Читатель, ты держишь в руках мою новую книгу. Она о самоотверженной дружбе, бескорыстной любви, о простых человеческих чувствах и о нашей, далеко не простой действительности, которую я познаю и изучаю на протяжении 35 лет.

За этот период было исследовано множество книг по эзотерике, мифологии, культурологии и религии, были прослушаны сотни лекций и освоены десятки практик, были знаковые встречи и разочарования. Подобно тому как ловец жемчуга собирает бусины, я по крупницам отбирала фундаментальные идеи и знаковые мысли. И все они находят отражение в моем романе. Чтобы знания текли дальше, чтобы стали понятнее и доступнее, добро пожаловать в другую повседневность.

«Великий праздник принесёт Тартарцам огненная лошадь, промчавшись первый раз по третьему пути, копытами вздымая землю и обнажив тем самым ценность неземную, сокрытую глубоко в недрах»

Мишель Нострадамус

Глава 1

Вселенная дышала. Вдох..... выдох.... Вдох....выдох. Рождались новые галактики. Иные умирали. Звёзды, сгорая, гасли. Их свет ещё какое-то время жил, а самих звезд уже не было. Это мерное дыхание двигало покой, расширяясь во все бесконечности. И эта непрерывная жизнь была Любовью, струилась, проникала, заполняя собой ВСЁ.

Проснувшись, Ольга лежала, боясь шевельнуться. Она прислушивалась к спокойному дыханию ребёнка. Тихонько посапывая, изредка вздыхая, малыш крепко спал. Было четыре часа утра. Она постепенно изучала его, осваивалась с этим новым, появившимся в её жизни существом, которое жило по своим, установленным им одним, законам. Имя ей пришло во сне, на третий день после рождения сына. Ольга до сих пор не понимала, сон ли был, явь ли? Она стояла на ветру под огромным белым парусом, светящимся на солнце. Океан света был над ней. А на корме парусника стоял старец. Под ним расстилалось розового цвета облако. Он был частью этого облака, как будто из другой мерности.

– Ты? – подумала Ольга.

– Странник, – пришёл ответ. – Дитя..... Мир, Мир, Мир.

Его борода и усы было единственное, что не давало ему казаться молодым. Голубые глаза лучились таким спокойным и одновременно повелительным светом, что казалось,

тут возражениям не было места. «Мир», – звучало в висках. Проснувшись, Ольга весь день пробыла в каком-то блаженном оцепенении и только на следующее утро ей пришла мысль: «Да ведь это имя..... имя ребёнка». После второго УЗИ, когда они с Дмитрием узнали, что будет сын, не раз оживлённо обсуждали, в какой родильный дом обратиться, куда поставить кровать и, конечно же, имя. Сколько было споров, сколько ссор. Наконец пришли к одному: будет Иван. В родильном доме, когда малыша приносили кормить, она тихонько приговаривала: «Ванечка, моё солнышко».

В то утро, когда муж вёз их с Ванечкой домой, Ольга вдруг сказала: «А как тебе Мир?» Ожидала услышать: «Мы же решили, у тебя, как всегда, семь пятниц.....». Но к её удивлению, Дмитрий, помолчав, тихо сказал: «Ну, Мир, так Мир».

«Как странно», – подумала, и больше к этому они уже не возвращались.

Миром наполнилось всё: дом, мысли, разговоры, смех, слёзы – каждый миг. Ребёнок был долгожданный. Всё было для него и ради него.

Вот только как ласково назвать – не придумала. А муж взял сына на руки, поднял над головой и пропел: «Белеет ли в поле пороша, Мироша, Мироша». Ольга радостно засияла: «Ну конечно, конечно Мироша, как это я сразу не догадалась».

Саксофон теперь молчал. Мироше такие звуки не нравились. Мужу приходилось заниматься вне дома. Ольга с сы-

ном много времени проводили вдвоём. Малыш был спокойным, только в еде, очень избирательным. Стоило ей дать волю своим прежним «вкусняшкам», младенец упирался маленькой ручкой в грудь, морщился и отворачивался. Приходилось принимать его вкусы.

Галактика Млечный Путь была молодой, жила по закону расширения, рождая новые Солнца. Турз – третью планету звезды Лучистое Солнце, которая находилась ближе к центру галактики, населяло бесконечное множество многомерных миров. Миры жили каждый по своим законам, не догадываясь друг о друге, соприкасаясь лишь в верхних мерностях, где соединялись своими энергиями. В пятой мерности обитали мало плотные сути – формы, очень отдалённо напоминающие землян. Рост их был от двух с половиной до трёх метров. Свечение их было розовым с серебряным отливом, размером втрое больше своего источника. Турзианцы обладали мраморно белой кожей. Их лица с высоким прямым лбом, миндалевидными вытянутыми зелёными глазами лучились спокойным светом. Чуть припухшие алые губы придавали облику невыразимую мягкость и чувственность. Волосы их были блестящими, шелковистыми огненно-медного цвета. Обитатели планеты Турз обладали упругими, рельефными, грациозными телами. Это была невероятной красоты раса. Продолжительность жизни – около двух тысяч лет.

Лучистое Солнце была сравнительно молодой звездой

и пребывала в стадии творения. Поэтому процессы, происходящие на её планетах, постепенно разворачиваясь, хранили в себе огромный потенциал тайн, сюрпризов и неопределённостей.

Сущие – наблюдатели планет собирались по зову Единого, если возникала тенденция к регрессии даже в самых высоких плотностях или малых мерностях на какой-либо из планет. За всё время творения их солнца это происходило дважды, когда на планете Эрэ наблюдалось появление вируса Скорби. Во второй раз это было связано с тем, что планета Йех изменила наклон своей оси на 0,003 градуса.

Турзианцы общались с помощью энергии мысли, лишь иногда прибегая к средствам языка, который постоянно трансформировался Суцим. Язык, скорее, существовал как средство для написания лаконичных отчётов турзианцев, с целью перехода их на новую стадию своего существования. Большинство обитателей планеты Турз находились в стадии познания самих себя. Одновременно с этим они занимались поддержанием планеты, создавая условия для её процветания и развития.

Другая часть населения планеты, около 10 процентов, перешла в стадию творения миров. Большинство из этой небольшой доли населения занимались поддержанием вновь сотворённых миров, и только единицам было позволено творить. Творение новых Миров таило в себе ключи к мастерству, но и ответственность, решиться на которую дано

было не многим. Ведь вновь сотворённые миры были наполнены живыми существами. На Турзе для подобных процессов отводились особые территории. Одной из них была местность Эль, существенно отличающаяся от иных мест по своему рельефу, освещённости и способу обитания. Она простиралась во времени, пространстве, проникая в разные мерности и плотности бесконечно далеко. Даже творцам новых миров были неведомы пределы, её ограничивающие. Эль жила по иным законам и допускала к себе только тех обитателей планеты, которые занимались творением и поддержанием. Эль таила в себе несколько входов в сотворённые миры, и только она позволяла рождение новых миров и знала о причинах их внезапного исчезновения. Немногие турзианцы догадывались, что Эль была голограммой Единого. Но доподлинно никто на планете этого не знал.

Каждый из обитателей планеты постоянно находился в своём потоке, искрящемся маленьким мерцающим родничком. Родники, сливаясь друг с другом, текли мощным сияющим потоком, энергия которого питала молодую планету и простиралась по галактике Млечный Путь, радуя и вдохновляя Самого Единого.

Мир турзианцев не ведал горя, зла и принуждения. Он был пропитан светом, добром, покоем и радостью, наполняя благостью и спасая самые тёмные уголки галактики. Стадия творения Лучистого Солнца предполагала поток, исходящий от миров планет, превышающий своей мощно-

стью потоки их антимиров. На стадии поддержания потоки противоположных миров должны были выровняться, но до этого ещё предстояло огромное количество временных лет.

На планете Турз воплощались также и другие – особенные Души. Появление их на планете было таким же редким и волнующим событием, как пробуждение на Турзе новых вулканов. Отмечены такие Души были особым геном, который и определял их предназначение. Семья, в которой рождался подобный ребёнок, отлично понимала свои достоинства и привилегии, одновременно зная, что расставание неизбежно. Одежда этих Душ была ещё менее плотной. Их тела порой были совершенно невидимыми для остальных обитателей планеты, но случались моменты, когда свечение от них простиралось далеко за её пределы. Глаза их были голубыми, почти прозрачными, волосы – льняными, цвета светящейся звёздной пыли. Тела отличались необыкновенным изяществом и гибкостью. Часто таких детей можно было наблюдать в виде прозрачных световых форм. Но бывало, что они освещали своим светом целые долины и могли передвигаться быстрее звука. Их миссия была заранее определена. Достигнув определённого возраста, эти Души покидали планету навсегда. Виравха, так их называли, что означало воины Космоса. Эти молодые отроки вызывали уважение, трепет и почтение самых зрелых обитателей планеты. Обучались они в специальных школах, и ра-

но становились старше членов своей семьи во всех отношениях.

** * **

** * **

Глава 2

Семья Крона принадлежала к роду Ясуней. Этот древний род, один из немногих, участвовал в создании банка звуков планеты Турз. Представителями рода Ясуней в своё время были созданы музыкальные инструменты, которые говорили на языке Единого. Они воспроизводили звуки моря, повторяя шум прибоя, шторм, грохот цунами и даже могли эмитировать вибрации итиля. Были и такие, которые полностью повторяли лес: шелест листьев, шептания деревьев, трели соловья, крик совы. Паук спускался к жертве по своей тонкой паутине, а инструмент мог вибрировать на его частотах. Члены отдельных семейств этого рода занимались написанием лесных симфоний, горных рапсодий, менуэтов озёр. Самыми виртуозными исполнителями, настоящими мастерами своего дела были сами Ясуни. Музыка природы сопровождалась специальным, созвучным ей, фоном. К написанию фоновой музыки его создатели относились очень трепетно, находясь в постоянном поиске гармонии соло с фоновым сопровождением. Для фона использовались иные музыкальные инструменты, и они были особой гордостью рода. Свою музыку Ясуни исполняли виртуозно. Случалось, что отличить их исполнение от звуков живой природы можно было только по наличию фона. Зрители оказывались то на берегу океана, слушая голоса чаек и шум

набегающей волны, то на опушке берёзового леса, волнующего слушателей свежим ветерком. Места в оркестре передавались от отца к сыну, от матери к дочери при условии, если юные отроки делали выбор в сторону пополнения копилки деятельности рода. Отпрыски этого рода были большими выдумщиками и искусно взращивали и украшали своим мастерством родовое древо Ясуней.

Родовые деревья жили в Эльском Саду, который был частью территории Эль, доступной всем. На эту часть Эль допускались все члены родов один раз в году, ранней весной. Они проводили особый ритуал, прославляя мощь своих родовых деревьев, отмечая рост их побегов, радуясь новому цветению. Каждая семья обращалась к своему родовому дереву, когда ей предстояло важное судьбоносное решение, когда ждали пополнения семейства или отправляли своих Виравх в далёкий путь. Если умирал кто-то из членов семьи, прах тоже отдавался родовому дереву. Принимая прах, дерево выражало своё участие, покачивая ветвями, цветами или плодами, в зависимости от вклада умершего. Одна из обязанностей каждого представителя рода состояла в том, чтобы родовое древо укреплялось и разрасталось. Дерево хранило в себе всю накопленную информацию и знания, которые принадлежали роду. Когда в роду рождался младенец, его приносили познакомиться с родовым деревом, прикоснуться к нему. Это давало ребёнку силы, энергию, волю. Каждое древо имело свой цвет и запах. Цвели родовые деревья каждое

по-своему, и кроны их отличались друг от друга. Но в целом в Эльском саду царил атмосфера гармонии и любви. И эта пропитанная любовью и радостью, тягой к жизни, красота питала саму планету и всех её обитателей. Каждый род делился своими достижениями с другими обитателями планеты. Банками всевозможных знаний могли пользоваться все жители Турза по своему желанию.

Семья Крона регулярно давала концерты, приглашала на встречи с композиторами, музыкантами, объявляла о выставках своих достижений в области создания музыкальных инструментов. А школа музыкального мастерства, где преподавали Ясуни, принимала всех желающих получить музыкальное образование. Ясуни всячески поощряли тягу турзианцев к музыке, привлекая к своему делу новых учеников. Таким образом, бескорыстно отдавая накопленные веками знания, члены рода Ясуней поливали своё родовое дерево.

По земным меркам, Альзору и Виньо было по двенадцать лет. Когда близнецы родились, в семье Крона было уже трое детей. Две старших дочери, Алу и Свана, создав к тому времени свои семьи, жили самостоятельно. Бёрк, закончив первую ступень средней школы, выбрал специализацию, связанную с архитектурой.

Супруги были несказанно рады, когда в их семье родились мальчики – близнецы, ведь Крон уже догадывался, что Бёрку неинтересна музыка. С раннего возраста мальчуган из всего,

что попадалось под руку, придумывал храмы, дворцы, плавающие или летающие по воздуху, необычные формы. Фантазии ребёнка в этом направлении были неиссякаемыми.

«А это ещё для чего?» – спрашивал удивлённый отец.

«Как же ты не понимаешь, это такой остров для птиц, которые долго летели над морем и устали в пути. Он плавающий, на подводных лапах. На острове есть озеро с пресной водой для питья, а это гнёзда. Там они могут ночью отдыхать. Папа, как ты думаешь, птицы смогут вернуться на родину, если построить им такой остров?» – и сын принимался объяснять, как можно смастерить эту совершенно непонятную и неосуществимую для Крона конструкцию.

Крону эти фантазии были чужды. Он мечтал о сыне, которому передаст своё мастерство. Он часто видел во сне, как маленький Ясунь будет упорно трудиться и изобретёт что-то совершенно новое – солнечное.

Сразу после рождения мальчиков Крон и Лаура получили сообщение и поздравление с тем, что их семье выпала честь воспитать ребёнка Виравха. Супругов не особо обрадовала эта новость, хотя это давало им немалые привилегии. Первым родился Альзор. С рождения отличить мальчиков было почти невозможно. Только Лауре это было под силу. Близнецы носили разные ободки. У Альзора на голове был ободок с изображением звезды, а у Виньо – с солнцем. Мальчики иногда намеренно менялись друг с другом ободками, загадочно смотрели на окружающих, пока им не надоедало это

баловство, и они не раздражались залившимся звонким смехом. Внешность близнецов начала меняться примерно с пяти лет. У Альзора глаза становились всё более голубыми, почти прозрачными. Они напоминали чистые топазы, излучая тихий, совершенно необыкновенный свет. Волосы с серебристым отливом напоминали искрящиеся на солнце морские волны. А Виньо с его бронзовой шевелюрой могла позавидовать любая девчонка. Мать любила гладить Виньо по голове. Волосы сына были шелковистыми, прохладными, пахли ночным жасмином и фиалками.

Братья были неразлучны. И хотя тем семьям, где рождался Виравха, предписывалось, чтобы с первого дня у такого ребёнка была своя комната, Крону и Лауре так и не удалось заставить близнецов засыпать по отдельности. Вечером Лаура целовала каждого в своей комнате, желая спокойной ночи, а утром неизменно обнаруживала, что просыпаются они в одной постели. «Я вас буду закрывать в ваших спальнях на ночь», – нарочито строго говорила мать. Но она никогда бы не смогла сделать этого, так любила она своих сорванцов, словно догадывалась, что следующими будут уже не сыновья, а внуки. Но через два года после появления в семье близнецов у Ясуней родилась девочка, всеобщая любимица – Майет.

Достигнув, по земным меркам, десяти лет, мальчики поступили учиться в разные школы, как и предписывалось законами Рами. По законам Рами Турзианцы жили со времён

появления на планете разумной жизни, и не было случая, чтобы однажды кто-то их нарушил.

Дети очень тяжело переживали эту перемену. Ведь теперь они целых полдня были порознь. Это было почти вечностью для близнецов. Тот из них, у которого раньше заканчивался учебный день, мчался к школе, где учился другой, ожидая, когда закончатся занятия у брата. Любимыми днями для обоих братьев были выходные, когда не нужно было идти в школу, и можно было всё свободное время проводить вместе. В такие дни близнецы убегали к морю, взбирались на самый высокий холм и предавались своим юношеским забавам, пока непреодолимый голод не гнал их домой. Одним из любимых мест пребывания мальчиков была Лозаннская долина. Она была покрыта мягкой пахучей травой и ароматными цветами, вся светилась перемежающимися друг с другом лесными островками, пышными цветущими полянами и искрящимися на солнце озёрами. Вот где можно было вволю порезвиться, прятаясь друг от друга и кувыркаясь в шелковой траве, придумывая всё новые истории и забавы. Иногда мальчики воображали, как огромный дракон похищает Виньо, а Альзор храбро сражается с чудовищем и спасает брата. Драконом было огромное старое дерево с ветвистой кроной и сучковатым стволом. В другой раз братья отправлялись ещё дальше. Местом сражения было большое озеро, а драконом – многоярусный остров в самом его центре. Близнецы представляли, как чудовище об-

маном похищает волосы Майет. Когда-то Майет проснулась утром и не узнала своих братьев, а те в свою очередь поняли, что всё дело в том, что Майет лишилась своих медно-золотых волос. Подплыв к острову, мальчики живо взобрались на его самый верхний ярус и раздражались победоносными криками и улюлюканьем.

Таких историй в их арсенале было бесконечное множество. Голодные близнецы возвращались только к вечернему кефиру и интригуяще переглядываясь, подмигивали друг другу. Заметив как-то, что оба брата не сводят с неё своих лукавых глаз, Майет воскликнула: «Мама, они опять что-то затеяли». Она быстро собрала свои локоны и соорудила из них на макушке густой пышный хвост. «Береги волосы, Майет», – многозначительно сказал Виньо и подмигнул брату. А Лаура тем временем расставляла на столе тарелке со свежими фруктами. «Вы опять пропустили ужин, ты, Альзор, как старший, в следующий раз обойдешься одним кефиром и останешься голодным до утра, – сказала она, – быстро мыться, и по своим комнатам, я проверю. А ты, Майет, не подливай масла в огонь».

После душа родители разрешали детям окунуться в прохладный бассейн перед сном. Виньо изо всех сил ударил руками по воде, пытаясь отразить удары воображаемого чудовища, призывно крикнул и поплыл в сторону от брата. Альзор, чувствуя ответственность старшего, быстро догнал победителя, поймал обе его руки и зашептал ему в ухо: «Зав-

тра доиграем, приходи, когда погасят свет. У меня есть одна идея, я не засну без тебя».

** * **

Глава 3

Виньо бесшумно пробирался по саду. Ночь была так светла, как никогда. Полная луна властно вступила в свои права, выводя из тайных коридоров причудливые тени деревьев, словно собравшихся на бал. Ночное светило будто обещало поведать о своей вечной тайне, манящей и одновременно пугающей, будившей воображение. Верёвка была уже спущена. Мальчики привычно забрались под одно большое одеяло. Горящие глаза Виньо призывно смотрели на брата.

– Знаешь, чему нас вчера учили?

Виньо уже приготовился слушать новую заворачивающую историю.

– Ты знаешь, что ты можешь одновременно быть здесь и ещё где-то?

– Ну вот, я же здесь, где я ещё?

– Ты закрой глаза, главное, не нужно волноваться. Закрой глаза и представь, что ты в нашей долине, на берегу озера.

– Это мечты? Как у девчонок?

– Это не мечты. Это так здорово! У меня получилось сегодня, но только один раз. Я вдруг оказался в соседнем классе, и мне удалось сосчитать всех, кто там был и даже услышать, о чём говорит классный. А сам я преспокойно сидел в соседнем классе за своим учебным столом. Но это

только сначала. Кто-то прошёл по школьному коридору, и я уже больше не смог там оставаться. Я проверил, их действительно было столько, сколько я насчитал. И урок был по геологии. Давай попробуем вместе. Закроем глаза и представим, что мы..... Что мы в нашей долине.

– А ты не боишься?

– Чего?

– Ну, в долине. Представляешь, как там сейчас темно? И Дракон, наверняка, не спит. Кто будет здесь охранять волосы Майет?

– Так и скажи, что струсил.

– Да ничего я не струсил. Пожалуйста, если ты думаешь.... Давай.

– На раз – два мы вместе закроем глаза и представим, что мы в долине. Ну... Раз... Да, ляг же ты. Нужно успокоиться, расслабить тело, как будто спишь, ну не спишь, конечно, а будто спишь. Только не вздумай заснуть. У нас всё получится. А в долине, если вдруг станет страшно, мы сразу вернёмся обратно. Ну что, ты готов?

– Да... подожди, – Виньо устроился под одеялом, закрыл глаза, притаился, – давай.

– Раз... два.

Виньо ждал. Сколько времени длилось это ожидание, он не мог предположить. Ведь когда ждёшь, время тянется совсем медленно. Бывает, покажется, что прошёл час, но выходит, что всего-то пятнадцать минут. Шея мальчи-

ка затекла, казалось, ноги лежат как-то неудобно, а потом вдруг так зачесался глаз, что рука произвольно потянулась к голове. Пришлось открыть глаза. Вокруг стояла глухая таинственная тишина. Виньо прислушался к дыханию брата. Оно было тихим, почти неслышимым, а сам Альзор, безучастным и неподвижным. «Наверное, уже сражается с драконом. Один. Кто-то ему там поможет? Ведь я до сих пор ещё здесь, – размышлял Виньо, – вот так и знал, что ничего из этой затеи не выйдет».

Ещё немного подождав, он тихонько дотронулся до пальцев брата. Они были прохладные и совсем безразличные. Столько раз он держал руку Альзора в своей, чувствуя опору, силу, радость, счастье наконец. Сейчас эта рука была такой безучастной, что Виньо охватила тревога. Его сердце сжалось, наполнившись невыносимой тоской, и совсем незаметно подкрался страх. «А вдруг Альзор умирает, истекает кровью? Вдвоём мы бы его точно одолели, а вот один. Что же теперь делать? – мальчик схватил брата за плечи и что было сил, стал трясти. – Ну, вернись, наконец, слышишь? Это я... Я здесь ещё, у меня ничего не получилось. Зачем ты так? Зачем не дождался меня? Альзор, Альзор! Ну, проснись же!!!»

Слёзы покатались по его щекам, но он не стыдился их. Он тряс брата за плечи, щекотал в самые смешные места, нашёптывал разные слова, гладил по волосам. Виньо даже показалось, что руки у Альзора стали ещё холоднее, чем

прежде. Тогда он закричал брату в самое ухо: «Возвращайся назад! Ты слышишь? Ну, не маму же мне будить!!!!»

Вдруг он услышал торопливые шаги по направлению к кухне. «Это Майет, она часто бегает пить по ночам, – подумал мальчик, – Альзор говорил, что это волосы так будят Майет, чтобы она не прозевала, когда прилетит дракон». Виньо никогда не мог понять, шутит тот или говорит серьёзно. Он часто подыгрывал брату в этих историях, и обоим это нравилось.

Когда Майет спустилась к себе, Виньо уже решил бежать в долину: «Если Альзор лежит, истекая кровью, растерзанный... совсем один? А что, если...» – мальчик торопливо спускался по верёвке. Страх улетучился сам собой, сменившись отчаянной решимостью. Виньо бежал, не чувствуя усталости, не замечая, как быстро менялся вокруг него пейзаж. Он падал, вставал, опять падал, растирая по щекам слёзы вперемежку с грязью. Луна наблюдала этот отчаянный бег, равнодушно освещая беглецу дорогу. Но здесь было и некое присутствие, были ещё одни глаза. Они никогда не отдыхали, они жили своей, некому не ведомой жизнью.

«А вот и Эль, ещё немного, и наше место», – нарочито громко произнёс Виньо, так он доказывал себе, что ему совсем не страшно.

Лозаннская долина была немного поодаль от территории Эль. Неожиданно мальчик почувствовал, что бежит на одном месте, и его настойчиво тянет куда-то вправо.

Неодолимая сила клонила беглеца помимо его желания, обнуляя все движения и игнорируя всякое сопротивление. Виньо отчаянно ухватился за одну из веток придорожного куста, но не тут-то было. Та сломалась, словно соломенный прутик. Тогда мальчик опустил на землю, упершись изо всех сил ногами в большой придорожный валун, и крепко уцепившись обеими руками за толстые ветви кустов, растущих по разным сторонам дороги. Кусты, оставшись в его руках, тот час оказались летящими вместе с мальчуганом и огромным придорожным камнем по широкому воздушному коридору. Образуя воздушную воронку, мощный поток ветра тащил всё встреченное на его пути в неведомую пучину. Виньо несло по длинному горизонтальному коридору на огромной скорости. Вместе с ним летели вырванные из земли кустарники, бульжники, шарики воды из луж, частички грунта, пучки травы. И всё это образовывало один общий поток, который закручивался, увлекая Виньо в причудливо изогнутую спираль. Время остановилось. Мальчику казалось, что всё происходит одновременно: их с Альзором неожиданный эксперимент, неодолимый сон брата, спуск по верёвке, его бег – всё смешалось в один единственный поток без всякой временной последовательности и произошло в одно единственное мгновение.

Виньо очнулся неожиданно резко. Веки не хотели подниматься, стали тяжёлыми. Пыль забила в обе ноздри, на зубах скрипел песок, а в ушах стоял оглушительный писк,

переходящий в жужжание. Мальчик вытащил из внутреннего кармана рубашки платок и попытался освободиться от забившейся в нос и глаза мелкой пыли. Когда глаза привыкли к темноте, ему удалось разглядеть впереди небольшое плато. Сам он лежал у подножия небольшой земляной горы у входа в пещеру. Похоже, в эту дыру его и вынесло воздушным вихрем. Рядом были разбросаны вырванные с корнем растения, обломки, металла, куски земли, камни. Территория вокруг была незнакомой. Ландшафт сильно отличался от привычного глаза. Мальчик попробовал влезть обратно в дыру, из которой его вынесло, но лаз оказался слишком узким. Видимо, его завалило самим потоком. Почва так затвердела, что разгрести её одними руками было невозможно. Жужжание постепенно стихло, и Виньо явственно слышал незнакомый странный звук.

Вдалеке он различил движущиеся к нему два предмета. Они постепенно увеличивались в размерах, и по мере приближения всё ярче освещали окружающую местность, позволяя разглядеть на поверхности почвы скудную растительность, элементы рельефа. Летящие предметы вдруг остановились, замерли на высоте, метрах в пяти от поверхности земли, и зависли, обретая законченную шарообразную форму. Шары переливались всеми цветами радуги, причём интенсивность света постоянно менялась, создавая эффект медленного мерцания. Размер их тоже менялся со временем. Это производило впечатление непрерывного движе-

ния и перетекания цветов от одного к другому, и то же можно было сказать об их размере и мощности.

И началось. Виньо довелось увидеть необыкновенное захватывающее зрелище. Шары исполняли свой, никому не ведомый танец. Они меняли, то свою форму, то направление движения. Взмывая вверх, эти фокусники подхватывали с земли различные предметы, раскрашивая их всевозможными цветами. Подброшенные предметы медленно расплывались, меняя свои форму и объём. Они, то сливались со своими создателями, то отдалялись от них, обретая прежние очертания. Рассыпаясь на тысячи мелких брызг, шары фонтанировали, двигаясь в бешеном синхронном ритме, разрастаясь до невероятных размеров, захватывая всё вокруг себя, затем неожиданно сжимались до точки. Казалось, что они импровизируют, смеются, развлекая воображаемую публику. Эти талантливые артисты словно творили новую реальность, обращая в неё всё встреченное на своём пути, смешивая с самими собой. Они лепили новое, лепили новых себя. Представление это также неожиданно закончилось, как и началось. Виньо наблюдал, как эти странные фокусники галантно раскланялись с невидимой публикой и довольные отправились восвояси. Постепенно на плато опустились сумерки, но вокруг было гораздо светлее, нежели до этого представления. Мальчик с удивлением заметил на месте необычного танца странное шевеление. Некое туманное, тусклое, еле различимое облако осталось на подиум-

ме. Постепенно трансформируясь и обретая живые формы, облако делилось, расширялось и, в конце концов, превратилось в новый законченный мир. Затем всё вновь сотворённое быстро свернулось в точку и, как бы обретая законное место, заполнило собой выделенное для него пространство... и время. Виньо не видел, не слышал этого чего-то вновь появившегося, но совершенно явственно ощущал его присутствие – присутствие нового мира, который был сотворён прямо здесь на его глазах, который жил, дышал так же реально, как и он сам.

Глава 4

Ольга катила коляску по аллее парка. Она всегда гуляла в этом парке. Здесь было не слышно шума автомобилей, народу было немного.

Цвели липы. Ольга любила этот аромат. Обычно они зацветали в середине июня, но в этот раз весна задержалась и сдвинулась почти на целый месяц. Малыш крепко спал. Ему нравились эти уединённые прогулки. В такие моменты Ольга часто забывала о времени, предавалась размышлениям или чтению книг. Ребёнок мог проспать три-четыре часа, не беспокоясь из-за ветра, жажды или посторонних звуков. Как-то девушка встретила в парке Татьяну. Они вместе оканчивали среднюю школу. Подруги как будто вернулись в юность, весело хохотали, перебирая смешные школьные истории, вспоминая наперебой разные случаи из прежней жизни. Воспоминания накрыли обеих, как одеялом. Кажалось, всё происходило вчера.

– Смотри, он улыбается, сейчас рассмеётся вместе с нами, – Татьяна удивлённо смотрела на Мирошу.

– Не выдумывай, он спит, мы всегда в это время спим, правда? – Ольга поправила шерстяной плед, закрывающий малыша.

Глаза Мироши были чуть приоткрыты. Мальчик улыбался, будто и в самом деле полноценно участвовал в этой ожив-

лённой весёлой болтовне. Ольга поднесла веточку липы к самому носику сына: «Ты подслушиваешь? Отвечай!». Мироша заливисто рассмеялся, чихнул и, отвернувшись, удовлетворённо засопел.

– Ну вот, я же тебе говорила, мы спим. Крепко спим, да? Нам уже пора кушать. Домой, солнышко, а то совсем голодом заморили ребёнка. Мы ведь с самого утра гуляем. Нужно ещё в банк заглянуть. Тут недалеко.

Подруги попрощались, и Ольга заспешила к центральным воротам. Отделение банка находилось за углом, недалеко от перекрёстка. Она озабоченно посмотрела на часы, до начала обеденного перерыва оставалось двадцать минут.

«Заскочу в магазин по дороге, скоро Дима на обед придёт», – рассеянно думала девушка.

Неожиданно Ольга почувствовала тяжесть в ногах, они как будто бы не хотели слушаться. Непроизвольно замедлив шаг, посмотрела на малыша. Её охватило странное чувство, похожее на «дежавю». В висках пульсировало. В следующее мгновение появилось чёткое осознание того, что нужно немедленно возвращаться домой. Ольга опять взглянула на Мирошу. Ребёнок смотрел матери в глаза очень внимательно, спокойно. И она вдруг вспомнила тот осознанный, повелительный взгляд, тогда – во сне. «Старец на розовом облаке, его глаза». У сына был точно такой же взгляд, непонятный, взгляд цельного осознанного существа. Если бы её попросили описать свои ощущения в этот момент, она на-

звала бы это воздействием из вне, медленно переходящим в собственное убеждение, уверенность в собственной правоте. Сбросив с себя оцепенение, Ольга резко тряхнула головой: «Интуиция», – подумала про себя.

«Ну что же, послушаем тебя на этот раз», – она решительно повернула коляску на сто восемьдесят градусов и быстро покатила её по направлению к дому.

Дмитрий был уже дома, разогревал обед. Возвращаясь с утренней прогулки, Ольга зачастую заставляла его за этим занятием. Молодые обедали вместе, а Мироша мирно досыпал в своей кроватке. Проводив мужа на учёбу, Ольга принималась кормить ребёнка.

– Я вечером заскочу к вам в парк, вместе погуляем, – предложил Дмитрий.

– Нужно будет пораньше вернуться, у нас завтра прививка.

– Ладно, тогда до вечера, – на ходу надевая куртку, ответил тот, – я побежал, пока.

Ольга переживала, это была уже третья прививка. Первые два раза были неудачными. Перед очередной прививкой у Мироши неожиданно поднималась температура. Врач отменяла прививку, и затем малыш как ни в чём не бывало чудесным образом выздоравливал и возвращался в обычное состояние. И ещё Ольгу расстраивало, что Мироша не пытался говорить, как другие дети. Приходя на плановый приём, она слышала одно и то же: «Все реакции и показатели

в норме», – вес, реакция на свет, звук. Но, слушая, как лепечут и «гукают» дети его возраста, Ольга недоумевала. Они с мужем давно перестали шутить, какие слова будут первыми, скажет сын «мама» или «папа». Бывало, что малыш по-детски заливисто и звонко смеялся, а порой во взгляде его родители замечали абсолютную осознанность взрослого человека. В такие минуты Ольга смотрела в спокойные и глубокие глаза сына и чувствовала бесконечное умиротворение, покой, уверенность в завтрашнем дне, счастье. Казалось, сама вечность дарила ей эти бездонные ощущения. Такое в их общении было нечастым. Мироша словно понимал, что не стоит излишне волновать свою впечатлительную и наблюдательную маму.

Он не ползал, как другие дети, а сразу уверенно встал на обе ножки. Это было, когда малышу исполнилось одиннадцать месяцев. Ольга любила играть с сыном. Мироше нравились игрушки для детей старшего возраста. Он с удовольствием строил из кубиков дом, придумывал узор из мозаики или сочинял песенки на детском металлофоне. Малышу очень нравилось рассматривать детские книжки с картинками. Ольга читала сыну сказки на ночь, и он мог часами слушать. Девушка исподтишка поглядывала на сына, не заснул ли, но Мироша требовательно теребил мать за руку, когда та неожиданно замолкала. «Откуда он знает, кто колобок, какая бывает репка, – думала Ольга, – и почему солнце вдруг украли?»

Заигравшись в этот день с Мирошей, она решила не идти сегодня в парк и позвонила мужу, чтобы тот забрал её с сыном из дома: «Поужинаем и погуляем тогда, мы тебя дома будем ждать».

Дмитрий вернулся взволнованный: «Ты слышала, что случилось в нашем районе? Включи телевизор!»

Передавали оперативные сводки местных новостей. В 13—03 на перекрёстке, рядом с парком, произошла авария: у автобуса отказало рулевое управление, и, выехав на встречную полосу, он столкнулся с автомашиной скорой помощи марки «Газель». Жертвы, пострадавшие, район оцеплен до сих пор. Организовано объездное движение.

Ольга быстро сопоставила случившееся с их дневной прогулкой. Примерно в это время сын не позволил ей направиться к перекрёстку и развернул её к дому. «Этого не может быть, – взволнованно думала она, – Мироша, как он мог знать?».

– Думаешь, совпадение? – Ольга поделилась с мужем своими сомнениями.

– Фантастика... поживём – увидим. Там народ до сих пор толпится. Много жертв, говорят.

– Может, не пойдём сегодня? Дома побудем. Ты о чём хотел поговорить?

– У нас на курсе идёт отбор на композиторское отделение. Вот уже несколько дней думаю об этом. Чтобы взяли, нужно представить готовые аранжировки.

– А ты бы хотел?

– Я чувствую, что моё, но как только начинаю сочинять, ступор какой-то.

– Ты же говорил, что отбор будет на четвёртом курсе, я думала, ещё далеко.

– Уже началась предварительная запись, от этого зависит распределение к преподавателям. Если сейчас протянуть, потом может быть поздно.

– А у тебя инструмент где? Может, стоит попробовать дома заниматься. Мироша подросток.

– Да, я принёс, подумал, нужно попробовать дома. – Дмитрий раскрыл футляр, бережно взял саксофон.

Мироша внимательно наблюдал за отцом. Дмитрий поднёс инструмент к губам, и Ольга услышала давно забытый, завораживающий звук. Как же давно муж не играл для неё. Когда родился Мироша, Дмитрий перенёс свои занятия в класс консерватории. Они почти не говорили о его учёбе. Вечером муж подрабатывал, приходил поздно, по выходным молодые были поглощены сыном. Вот так и прожили целый год, не замечая времени. Мелодия лилась, печально проникая в каждую частицу её сути. Ольга не заметила, как её глаза стали влажными, а сердце радостно забилось, вспомнились их первые встречи, свидания, прикосновения.

– Что это за мелодия?

– Сам не знаю, как-то вдруг вылилось. Нужно это скорее записать.

– Так ты импровизируешь? Я раньше такого не слышала от тебя. И ты ещё сомневаешься?

Дмитрий настороженно смотрел на сына.

– Мне нужно попробовать сочинять самому. Я не уверен, смогу ли сам?

– Но ведь это возможно только завтра, что-то мне не нравится, как у него щёки горят, – Ольга пощупала лоб сына, – так и есть – опять температура, как же иначе? Прививка ведь завтра.

– Дима, сходи в аптеку, не нравится мне всё это.

Глава 5

Закрыв глаза, Альзор представил мягкую траву с редкими васильками вдоль берега озера. Ему даже удалось почувствовать дуновение ветра и ощутить влагу, поднимающуюся над озером, так живо отозвалось воображение. Альзор не один раз проделывал это с лимоном, представляя его разрезанным поперёк и ощущая при этом, как сводит во рту от резкого кислого вкуса. Затем он стал прислушиваться к своему беспокойному дыханию, которое становилось всё более ровным, медленным и, наконец, еле ощутимым—совсем не слышимым. Внимая и доверяясь расслабленному телу, юноша почувствовал жар. Сначала стали сухими и горячими стопы, вслед за ними отозвались ладони, предплечья. В области солнечного сплетения появился большой тёплый шар, который медленно перекатился в центр груди. Постепенно тело перестало ощущаться, а сам он превратился в одну большую голову. Это можно было назвать сгустком ума, даже не ума – сознания. Ум подвижен, сознание – в покое. Альзор бесстрастно последовал за этим покоем, безраздельно доверяясь ему. Исчезли звуки, запахи, желания, он слился воедино с этим удивительным разумным миром, ощущая невероятное счастье от этого единения. Затем всё его существо стало потоком, идущим вверх, и что-то важное, самое главное, большое вышло наружу. Мальчик завис

под потолком спальни. Он увидел, как в лунном свете двое под одним большим одеялом, раскинув руки и закрыв глаза, улыбаются. Он с интересом рассматривал этих двоих, не сразу сообразил: «Да это же Виньо, кто это с ним там? Да ведь... Получилось! Всё получилось!».

– Виньо, у тебя получилось?

«Он, наверное, уже в долине. Надо спешить».

Не рассчитав расстояние до окна, юноша неуклюже врезался в стену. Его тут же с огромной скоростью отбросило в противоположном направлении. «Стоп! Здесь лучше не торопиться». Прицелившись в окно, он стремительно вылетел наружу, пронзив собой стену и пропустив центральную аллею. Во всяком случае, аллеи Альзор не заметил и как-то сразу оказался за аркой сада. «Всё по-другому, совсем не так, как по земле». Его стремительно влекла неизвестная и непреодолимая сила, которой было невозможно управлять, а дух захватывало от бешеной скорости. Но ещё примешивался страх – страх неизвестности. «Самое главное, успокоиться. Вам никто не причинит вреда, – вспомнил Альзор слова учителя, – больше всего в этом деле может навредить страх. Так будем же учиться управлять этими крыльшками. Что там у нас дальше? Совсем близко отсюда просека – вон к тому лесочку. Теперь понятно, чем дальше представляемая цель, тем выше скорость и менее предсказуемо движение. Будем передвигаться маленькими шагами». Постепенно осваивая своё новое состояние, удивляясь

и находя решения, юноша медленно передвигался вдоль знакомых мест. Всё осталось прежним: запахи, цвета, звуки. Только чувствовалось по-особенному: острее, отчётливее, ярче. Мальчику захотелось посмотреть на эти места сверху, и в следующее мгновение как будто бы невидимая нить подняла его на такую невероятную высоту, что озеро внизу превратилось в маленькую лужицу, а потом и вовсе стало каплей. Пейзаж сделался незнакомым. «Управлять мыслями, как рулём. За один раз не научишься, а вот заблудиться как дважды два, – подумал мальчик и устремился к земле, – да ведь это тот лес, до которого мы никогда не успевали дойти. Виньо не любит сумерки. А что-то его не видно, уж не заблудился ли?» Альзор попытался двигаться обратным путём по тем же точкам, сильно не поднимаясь вверх, но, оставаясь на таком расстоянии от земли, чтобы различать мелкие и средние предметы. И вдруг он увидел Виньо. Тот бежал к пригорку, ведущему к их знакомому озеру. «Приближаемся медленно», – нарочито строго, как обычно говорила мама, приказал себе Альзор. Подлетев к брату, он с размаху плюхнулся оземь, далеко позади от него и закричал что было сил: «Виньо, ты куда так припустил? Здорово, правда? Я же тебе говорил, это совсем новое. Теперь мы с тобой уж ему зададим. Я обещал тебе, что мы, в конце концов, его оседлаем». Но брат будто бы не слышал крика и как ни в чём не бывало продолжал свой путь. Тогда пролетев немного вперёд, Альзор двинулся беглецу навстречу.

Приблизившись вплотную к Виньо, юноша загородил собой дорогу, но тот, пройдя сквозь него, невозмутимо двигался дальше. Вдруг обожгла страшная догадка: «Да ведь он не видит меня, не слышит. Это Виньо!!! Он не смог.... Тогда как он здесь вообще мог оказаться? – мысли путались, опережая одна другую. – Что же делать?». Ничего не придумав лучше, как схватить брата за руку и следовать за ним по пятам, в голову не пришло. «Пусть всё идёт своим чередом, главное – мы вместе что-нибудь придумаем». Когда Виньо подхватил неожиданный ветер и увлёк в огромную воронку, Альзор изо всех сил держал брата за шею, уцепившись за него обеими руками, маневрируя и следуя тем же путём.

Виньо лежал, распластавшись на узком перешейке, соединявшем лаз из пещеры с огромным каменистым плато. Альзор опустился к брату, пытаясь разбудить: «Просытайся, ну подумай, немного покрутило. Будем вместе выбирать-ся отсюда. К утру нужно успеть, давай же». Виньо хрипел, кашляя пылью, тёр глаза платком, потом вдруг замер, глядя куда-то в сторону. Повернувшись, Альзор увидел в воздухе два шара, медленно плывущих друг за другом по направлению к ним с Виньо. По мере приближения шары становились всё отчётливее и ярче. Обнимая брата, юноша с интересом наблюдал их необычное движение. Происходящее на этой воображаемой сцене всецело захватило обоих братьев. «Да, такое я даже во сне не видел», – подумал юноша. Альзору часто снились увлекательные, исполненные странных фан-

тазий сны. Из этих снов он черпал свои бесконечные истории. Виньо всегда удивляла и восхищала неужённая фантазия брата, он часто просил, засыпая: «Ну, пожалуйста, придумай ещё что-нибудь, последний разок». И вот он – Виньо совсем один в этой нелепой и далеко не придуманной истории. И надо сказать, что это оказалось не так увлекательно, как на многоярусном острове с братом или под одним с ним большим одеялом в тёплой постели. Мальчик совершенно растерялся: «Куда идти? Всё такое чужое, да ещё эти двое. Кто их знает, может, спрятались где-то и ждут, чтобы и меня так же подбросить и затащить в свой нарисованный мир. Это тебе не дракон. Интересно, как там Альзор? Он, наверное, уже в нашей долине ищет меня», – размышлял Виньо. Неожиданно мальчик почувствовал в руке что-то горячее, будто кто-то взял его за руку. Внутри возникло чувство беспричинной радости, появилась твёрдая решимость действовать.

«Что-нибудь придумаем, – сказал себе Виньо словами брата, – что-нибудь придумаем».

Мальчик встал и пошёл наугад по периметру простирившегося перед ним плато. По дороге встречалась редкая, блёкляя поросль, изредка покрытая невзрачными жёлтыми цветами. Постепенно трава стала более частой, яркой. Мальчик заметил под ногами узкую, отчётливо очерченную, тропинку: «Посмотрим, куда заведёт меня эта дорога». Пройдя совсем немного, Виньо увидел вдалеке неболь-

ишью арку, увитую кремовыми цветами и густой блестящей листвой. «Приглашение на бал, в другую реальность», – сказал бы Альзор. «Добро пожаловать», – иронично прошептал Виньо. Подойдя к арке, мальчик остановился, пытаясь разглядеть, что внутри. Неожиданно его как бы втянуло в новое пространство, и он моментально оказался с другой стороны этой живописной двери. В следующее мгновение Виньо почувствовал лёгкость в ногах и во всём теле. Каждый новый шаг подбрасывал его вверх и на пять – шесть метров вперёд. Пришлось учиться передвигаться в этом новом пространстве. Чтобы попасть в цель, приходилось сначала как следует прицелиться, иначе пролетишь мимо. «Это теперь будет моя новая история, – с гордостью подумал Виньо, – на этот раз Альзор будет меня расспрашивать. Но ведь не поверит же, что я здесь был, ни за что не поверит». И тут перед ним, как в сказке, словно из-под земли возникло огромное ветвистое дерево. Вокруг было много других необычных деревьев. Их кроны приветливо раскачивались на ветру, как парусники на морских волнах. Аромат стоял небывалый. У мальчика даже голова немного закружилась от этой восхитительной круговерти. Его будто ласкало, баюкало всем этим великолепием, восхищало, манило, радовало. Посмотрев под ноги, Виньо увидел множество белоснежных цветов. Они, подобно жемчужинам, рассыпались у самых ног мальчика. Наклонившись, он потрогал один из них: «Может, это и правда жемчужины? Здесь, на-

верное, всё возможно». Но цветок оказался таким живым, реальным, даже приветливым. Только очень недоброму человеку захотелось бы сорвать этот цветок. Виньо различил знакомый аромат. «Что это? Это же мамин запах, запах её тела, волос!!! Странно как, откуда это здесь?» Да, это был запах жасмина, так пахли волосы Лауры.

Дерево наклонило к рукам мальчика свою ветвь, и в широко расставленные ладони Виньо посыпались лёгкие сверкающие снежинки. В воздухе они превращались в переливающиеся капельки воды. Каждая капелька, не долетая до рук мальчика, смешно взрывалась и мелкими струйками растекалась по его ладоням. Виньо пил из ладоней чудесный нектар, умывался им и даже пытался наполнить свой медальон. Таким образом, дерево приветствовало мальчика, выказывая своё к нему расположение. Виньо отчаянно захотелось проявить хоть какую-то благодарность за столь тёплый приём. А ещё больше, ему захотелось, чтобы всё это мог видеть брат. Ведь он никогда не сможет так красиво рассказать, чтоб передать, как это происходило на самом деле. «Вот Альзор, наверное, смог бы», – грустно подумал Виньо. Затем мальчик увидел, что от этой самой ветви, которая так щедро своими снежинками, потянулся еле заметный световой луч. Луч постепенно расширялся, обретая очертания тропинки. Он так мягко и непринуждённо стелился по белым цветам, что мальчику ничего не оставалось, как принять это приглашение. Виньо пошёл вдоль ро-

зово-голубой световой дорожки. На душе было легко и спокойно. И только мысль о том, что брату не суждено было увидеть всей этой красоты, мешала полностью насладиться происходящим.

Постепенно шаги мальчика становились всё тяжелее и, сам того не заметив, Виньо оказался на знакомой просеке, как раз у того места, где его подхватил неожиданный ветер. Перед его глазами, как ни в чём не бывало, лежал большой придорожный валун. А кусты, которые с корнем были вырваны из земли его же руками, преспокойно росли на прежнем месте. Они как будто насмехались, передразнивая Виньо. «Ну и дела... Ф-Ф-Ф. Хорошо, что хорошо заканчивается», – мальчик со всех ног кинулся по направлению к дому. Он бежал так быстро, что оказался перед аркой сада вдвое быстрее, чем вечером. Виньо казалось, прошла целая жизнь. Он ощутил ноющее чувство в груди: «Как же давно он не был в этом саду, как давно не слышал знакомого дыхания брата, его заливистого смеха, его рассказов. И только Луна равнодушно освещала до боли знакомую тропинку в сад и спущенную из окна верёвку.

Альзор лежал также спокойно и неподвижно, как и тогда, когда Виньо оставил его, бесчувственного и безразличного. Виньо юркнул под тёплое одеяло и с жаром обнял брата, прижимаясь к нему всем телом.

Притворяясь спящим, Альзор слегка пошевелился, давая понять, что он уже давно здесь и, покровительственно по-

вернувшись к Виньо, как бы во сне, обнял брата за шею. Всего за две минуты до этого сладкого объятия он, стремительно обогнав Виньо и прицелившись в окно детской комнаты, пробуровил собой стену и с размаху плюхнулся в своё с раскинутыми руками тело. Сначала он даже не понял, где его ноги и как ими управлять. Под одеялом юноша поспешино принялся шевелить пальцами, каждым в отдельности и всеми вместе, пытаясь привыкнуть к прежнему обычному существованию. Ощувив живое прикосновение брата, Альзор чуть не расплакался, необъяснимое счастье овладело всем его существом. Это чувство радости можно было сравнить лишь с тем, как он впервые завис под потолком над двумя спящими. «Утром, всё будет утром, главное, что мы выбрались, и всё обошлось. Интересно всё же, который сейчас час? Так тихо, будто бы до утра ещё совсем далеко, – засыпая, он едва различал плеск воды в их бассейне, – наверное, отец... скоро рассвет...»

Крон просыпался до рассвета, его ритуал был не изменен. Уже несколько сотен лет он плавал по утрам в бассейне, растирался жёстким полотенцем, совершал свои одному ему понятные движения. Таким образом, Крон встречал рассвет. Затем он погружался в глубокую часовую медитацию. Один Бог знал, где пребывала в это время его душа. Закончив свои упражнения, Крон принимался готовить крепкий травяной Цэль, сервировал небольшой передвижной столик и и шёл в их с Лаурой спальню. Больше всего он любил

эти утренние часы, проводимые вдвоём с женой. Они переговаривались одними мыслями, чутко откликаясь на каждый взгляд и движение друг друга. Это был поистине благословенный брак, и Крон ни разу об этом не пожалел. Лаура была женщиной его мечты, его сокровищем, его благословением.

– Я вчера слушал тебя из библиотеки. Знаешь, по-моему, это было здорово. Что ты пела? – он нежно обнял жену.

– Импровизировала. Это могло бы быть хорошим фоном для симфонии водопада, как ты считаешь?

– Напоминает звон колокольчиков... и так... проникновенно-печально.

– Я ещё не записывала, у меня есть сомнения, пытаюсь перенастроить новую арфу. Может, подключить сюда Сорэль? Как ты думаешь? ¹

– Запиши партию, думаю, повторить твой голос едва ли удастся, нужно ещё немного поработать с арфой в мастерской. Может, партию для Сорэли поручить Майет, ведь нужно же девочке с чего-то начинать. Сорэль, я думаю, подойдёт.

– Я сама об этом думала, ещё не решила, с чего начать разговор. Надеюсь, что она придёт в «музыкальную». Девочка так увлечена цветами, стрижкой кустов. Выманить её из сада можно только ванильными запахами, – Лаура встрепенулась. – Кажется, мальчики проснулись. Ты слы-

¹ Сорель – инструмент, эмитирующий звоны различных частот.

ишь?

Альзор тербил Виньо за плечо: «Вставай, ночной путешественник, Лун заждалась тебя».

Глава 6

В последнее время Виньо сидел в классе рядом с Лун. У девочки были светло-изумрудные глаза, шелковистые медно-рыжие волосы и длинные красивые пальцы с вытянутыми, аккуратно постриженными, перламутровыми ноготками. Виньо часто ловил себя на том, как не мог оторвать взгляда от рук Лун. Они будоражили его своей утончённостью и в то же время по-детски наивными движениями. Лун сразу вписалась в их с Альзором компанию. Она понимала с полуслова, не задавала лишних вопросов и не уступала мальчикам в смекалке и выносливости, когда приходилось взбираться на высокие деревья, плыть до самого многоярусного острова, быстро и долго бежать. А ещё у неё было прекрасное чувство юмора, и она могла дать в своих шутках сто очков вперёд каждому из них. Во время их игр глаза Лун искрились неистовым азартом и лукавством. Лун не раз разыгрывала Альзора и Виньо, приводя их в недоумение и восторг. Это был тот случай, когда выражение: «третий лишний» безнадёжно не работало. Альзор сначала отнесся к Лун насторожённо. Но девочке быстро удалось завоевать доверие и уважение обоих братьев.

– Может, тебе и не умываться вовсе, чтобы не смыть своих ночных приключений? Снежинки были хороши? Да? – подтрунивал над братом Альзор.

– Какие снежинки?

– А-а-а! Это теперь будет наш секрет? А Лун мы расскажем?

– Ты это о чём?

– Не прикидывайся, ты думаешь, я всю ночь прохлаждался под одеялом?

– Почему прохлаждался? Тогда и я тоже прохлаждался вместе с тобой.

– Ты зачем пошёл в долину? Если бы ты не пошёл, я бы немного полетал и вернулся обратно. Ты меня здорово напугал. Я, честно говоря, не представлял, как мы оттуда выберемся. Если бы не наше дерево, даже не знаю, что бы сейчас мама сказала.

– Объясни! Я не понимаю, о чём ты? Какая долина, какие снежинки, какое дерево? Ты разыгрываешь меня? Знаешь, у меня сегодня нет настроения к твоим шуткам. У меня голова разболелась. И ещё... я совсем не выспался.

– Виньо, ты был сегодня ночью в долине. Ты что, ничего не помнишь?!!!

Альзора оглушила страшная догадка, – брат не помнит, не помнит, что происходило ночью, но почему? Ведь я был в Эль только мыслями, а Виньо на самом деле был там. Как же так могло получиться?

– Не обижайся, глупая шутка. Скажи Лун, что сегодня нам нужно после занятий быть дома. Я тебе после уроков всё расскажу.

– Что всё?

– Всё!!! Что произошло с нами ночью!

Виньо недоверчиво посмотрел на брата. Времени совсем не оставалось. К тому же, мальчики услышали на лестнице торопливые шаги матери.

– Вы смотрите на часы? Быстро умываться, завтрак уже на столе. Майет ждёт вас. Ну что ты будешь делать? Сколько раз я просила, хотя бы во время занятий засыпать по своим комнатам. Нужно сказать отцу, чтобы убрал верёвку... и лестницу тоже.

Щёлкнула дверная задвижка, и мальчики бросились обнимать маму. Они любили свою мать, зная, что, если даже против них будет весь мир, она все равно будет на их стороне. Лаура обнимала своих сорванцов, её глаза светились нежностью и строгостью одновременно.

– Вы, надеюсь, вещи собрали заранее, времени совсем не осталось.

– Конечно, всё собрали, – говорил Альзор, запихивая в рюкзак спортивные брюки.

Аккуратно завёрнутые школьные завтраки лежали на столе. Цель был несколько остывший, зато запах утреннего пирога так манил, что мальчикам пришлось сократить процедуру утреннего умывания вдвое. Подкрепившись и поцеловав мать на прощанье, они заспешили к выходу. Времени действительно было в обрез. Как это всегда бывает, Альзор сноровисто подхватил Майет, усадил девочку себе

на плечи. Майет любила, когда они опаздывали в школу. Сидя на плечах у брата, маневрируя всем телом, она изображала горный серпантин, а Альзор, одной рукой поддерживая Майет, нёс в другой два увесистых рюкзака, свой и сестры.

– Давай хоть рюкзаки, – предложил Виньо.

– Ладно уж, ты главное, не засни на занятиях.

Звенел звонок. Альзор нёсся через три ступеньки. «Почти как ночью, – мелькнула мысль, – можно считать, не опоздал». Он распахнул дверь. Переключка уже началась, но до его фамилии оставалось несколько секунд.

– Ясунь Альзор, классный руководитель ждёт Вас в преподавательской.

Что бы это могло значить? Один на один не приходилось общаться с учителем, но что-то подсказывало, что всё у них ещё впереди.

– Можно?

– Войдите.

Повисло долгое молчание.

Классов Вирабха было три: начальный, средний и специальный. После школы в возрасте 300 лет, по земным меркам – это соответствовало возрасту 15 лет, сыны и дочери Вирабха продолжали обучение на различных специализациях в высшем уровне, после чего покидали планету. Очень немногие из них возвращались в короткий трёхдневный отпуск. Но это происходило столь редко, что их семьи прово-

ждали своих детей навсегда. Информация о дальнейшей судьбе Виравха была закрыта для родителей.

Корелл Винчли курировал средний класс. Такого случая, как сегодня ночью, в его практике ещё не было. И Винчли долго размышлял, сразу ли необходимо говорить с родителями ребёнка. На Ясуня он обратил внимание сразу, каким-то чувством зная, что с ним будет нелегко. Такие качества, как бесстрашие, пытливый ум, сообразительность в совокупности с невероятным везением начинали проявляться у детей Виравха с середины среднего класса, и не у всех. Ясунь проявлял такие задатки уже со второго года обучения. Встреча с родителями предполагала оскорбительное недоверие мальчику. Поэтому Винчли принял единственно правильное решение – разговор на равных. В особых случаях для преподавателей было допустимо подобное общение со своими учениками, но это сопровождалось подробным отчётом руководству школы.

– Вы помните о том, что практики выхода из тела у начинающих должны проходить только под надзором инструктора? Вас предупреждали об этом? Вы давали обещание на скрижалях Рами.

– Да.

– Вы нарушили данное обещание.

Повисло молчание. Винчли намеренно выбрал для общения именно речь. Подобный случай предполагал общение посредством языка. Пауза затянулась.

– Надеюсь, Вы понимаете, что могли вообще не выбрать-
ся из Эль.

– Как это?

– Расскажите, как в Эль мог оказаться Ваш брат?

– Я думал, что мы летаем немного и вернёмся, думал,
у меня не получится. Сам удивился, когда встретил там
Виньо. Я же не знал, что он за мной побежал.

– Вы понимаете, что могли разминуться с ним. И если бы
Вас не было вместе с братом в Эль, и он оказался там один,
то не смог бы вернуться назад.

– Почему?

– Вас вывело родовое дерево. Его луч защищал вас. Но Ви-
ньо увидел вход в арку на территорию деревьев только по-
тому, что Вы держали его за руку. Если бы он был один, он
не увидел бы входа, и Эль бы не выпустила его назад.

– А что бы случилось тогда с Виньо?

– Этого никто не знает. Это просто невероятно, что вы
встретились раньше, чем он оказался у воронки в Эль.

– Виньо ничего не помнит.

– Он и не сможет вспомнить, Эль всё стёрла. Это сча-
стье, что всё так закончилось.

– Почему же я помню?

– У Виравха генетическая защита на такие случаи.....
И много что ещё..... и Вы должны понимать, что брату
не тягаться с Вами. Играя в такие игры, Вы подвергаете его
смертельной опасности. Вы вообще понимаете, что нару-

шили законы Рами. Это неслыханная дерзость. В силу возраста, Вы не можете отвечать за свой поступок, мне придётся сделать за Вас это. Вы понимаете всю серьёзность Вашего поступка?

– Да..... Сейчас понимаю.

– Надеюсь, что мне никогда не придётся прибегать к беседе с Вашими уважаемыми родителями, и что подобных объяснений между нами больше не повториться.

– Да, не придётся. Я могу рассказать брату, что было ночью?

– На Ваше усмотрение. Это будет сказкой для него – совсем не то, чтобы пережить это. Со временем, у Вас будет много подобных способностей. Вы должны понимать, что они даются не всем и в редких случаях. Это продиктовано законами планеты.

– Да.

– Разговор закончен. Идите.

– Куда?

– На урок. Куда же ещё?

Это был один из тех учебных дней, которые Альзор прогулял бы без всякого сожаления. Мысли постоянно возвращали его в Эль. Вспомнились все подробности путешествия: ощущения, цвета, запахи, самые незначительные мелочи, вспомнилось, как вёл себя Виньо. Альзор методично анализировал свои ошибки. Сейчас бы он сделал всё по-другому. Он бы ни за что не стал бы пробовать сам, не убедившись,

что Виньо удалось взлететь. Нет, всё не так: он бы попробовал это сначала сам, а потом бы уже рассказал Виньо. Нет же, он вообще не должен был этого всего делать, а уж тем более, рассказывать брату. Путаница какая-то. Самой мучительной была мысль, как обо всём рассказать. Альзор не сомневался, что Виньо ему поверит. Он представил, как расстроится тот из-за того, что ничего не может вспомнить, и не хватало духу так разочаровывать его. Мальчик не заметил, как окончились занятия. Спустившись по ступенькам, на выходе он наткнулся на Виньо.

– Я полчаса уже здесь торчу. Ты чего так долго? Уроки давно кончились.

Чувствуя настроение брата, Виньо настороженно замолчал. Братья шли молча. Было тепло и тихо, их шаги эхом отражались от стен зданий, тянувшихся по обе стороны дороги. – Пусть сам выбирает, – решил, наконец, Альзор.

– Что бы ты выбрал: иметь и потерять или ждать и не дожидаться?

– Чего????! Что ты сказал?

– Я спрашиваю, что бы ты выбрал..... иметь и потерять или ждать и не дожидаться, – отчётливо громко произнёс Альзор.

Виньо насупился: «Ждёшь его тут, ждёшь, а он ещё умничает».

– Да не умничаю я, сам потом пожалеешь, что узнал.

Ну же, говори, что бы ты выбрал?

Повисла долгая пауза.

– Иметь и потерять, – еле слышно произнёс Виньо.

– Это не я сказал.....

– Да, иметь и потерять, и что?

– Ты помнишь, как мы договорились вчера ночью идти в долину?

– Ну.

– А что было потом? – Альзор решил проверить, с какого момента у Виньо это началось.

– Ну, заснули, наверное,..... нечаянно, – неуверенно произнёс Виньо.

– Так вот, мы с тобой не засыпали.

– А что же мы делали?

Альзор до мельчайших подробностей рассказал брату всё, что было в долине, и затем – в Эль. Он не смог рассказать только про снежинки и про цветы-жемчужины, духу не хватило. Уж очень жаль было на Виньо смотреть, как он слушал весь этот рассказ. Ведь если бы ему самому рассказали о таком, а он бы не мог вспомнить. Альзор вскользь обмолвился только про луч, по которому Виньо вышел из Эль. Брат молчал.

– Виньо, а где твой медальон? Дай посмотреть..... ну дай же мне.

– Тебе зачем?

– Открывай, ну-ка, понюхай, чувствуешь? Чем пахнет?

– Пахнет?... Мамиными волосами пахнет..... и ещё чем-то.... вкусным.

– Ну, а ещё? Цветами, травами.... пахнет? Вспоминай!

Виньо растерянно смотрел на брата. Тогда Альзор повторил до последнего слова разговор с классным руководителем. И опять воцарилось молчание.

– Так значит ты спас меня?

– Я не спас, я мог тебя и не встретить там, это вышло случайно. Ты не переживай так, скоро праздник Элько, осталось совсем не долго ждать. Мы все скоро будем там. Может, тогда ты вспомнишь? Знаешь, мы ведь ещё с тобой даже не придумали, какие подарки будем мастерить. Я тут недавно видел, как Бёрк над чем-то колдует уже в своей комнате. У него своя тайна, а у нас с тобой будет наша. Здорово? Здорово будет снова туда вернуться, тогда ты увидишь всё сам и обязательно вспомнишь.

Всего месяц оставался до празднования Элько. Ежегодно, в этот день, все семьи посещали свои родовые древа в Эльском саду. Это был самый долгожданный праздник на Турзе. Задолго до праздника, каждая семья начинала готовить дары своему дереву. В основном эти подарки представляли собой новые достижения рода в зависимости от вида мастерства, которое развивала семья. Каждому ребёнку из семьи тоже давалась возможность придумать свой подарок. Задолго до праздника для каждого члена семьи подбирались специальные костюмы. После посещения сада родовых де-

ревьюв вся семья собиралась за большим праздничным столом, все делились впечатлениями, устраивали семейные игры и состязания в мастерстве.

– Давай сегодня не пойдём в долину, – грустно произнёс Виньо.

– Так мы и не пойдём, будем подарок придумывать. Майет, наверное, вообще забыла. В своём саду пропадает целыми днями. Нужно ей подсказать. Хочешь, возьмём её в нашу компанию?

– Мне всё равно. Можно и взять, я не против.

– Ну, хватит уже. Жду от тебя предложений, что мы принесём нашему дереву. Нужно придумать что-то интересное, и побыстрее. Мы можем не успеть. Виньо, ты знаешь, наше дерево – оно такое красивое, такое живое. Я даже подумал, что оно может говорить. Только на своём языке.

** * **

Глава 7

Маленький «Рено» мчался по мокрой автостраде. Наступило время отпусков и каникул – отдыха. Ольга с Дмитрием давно мечтали провести свой отпуск вдали от цивилизации, поселиться уединённо где-нибудь на берегу озера, отдохнуть от суеты и пыли, ощутить причастность к этому миру, гармонию, красоту, единение с природой. Таким местом они выбрали деревню Окунёво в Омской области. Пять озёр – сакральное место, широко известное в России и за её пределами. Сюда съезжались паломники со всего мира. Озёра эти располагались в двухстах километрах от Омска в Муромцевском районе. Молодые знали о существовании легенды, по которой в этих местах когда-то давно упал огромный метеорит. Он раскололся на несколько частей, и там, куда попали его осколки, образовались котлованы, заполнившиеся впоследствии водой. Так и возникли пять озёр: Линёво, Щучье, Данилово, Шайтан и Потаённое озеро. На картах Потаённого озера нет, и дороги к нему нет. Официальная наука его не признала, но местные жители утверждают, что такое озеро реально существует, только допускает к себе не многих. Это как вход в Шамбалу. Невидима она для людских глаз. А по древним сказаниям, Шамбала – это территория, находящаяся в другой мерности, где спят Боги. Они ждут, когда начнётся золотой век – возрождение Земли, что-

бы выйти к новым людям.

Молодые на полгода вперёд планировали эту поездку, серьёзно готовились к путешествию. Списавшись с местными жителями, Дмитрий выбрал небольшой домик на опушке леса, стоявший обособленно, на самом краю деревни. Хозяйка – Мария Васильевна, недолго думая, согласилась принять у себя москвичей.

Дорога была долгой, утомительной, к месту расположения прибыли уже поздним вечером. Мария Васильевна просто, без затей провела гостей в дом, открыла массивную дверь.

– Вот ваша комната. Я уж лет тридцать назад проводила сына служить на Черноморский Флот. Андрюша мой так и не расстался с морем, только раз в году – на недельку приезжает, да ещё геологи иногда побалуют, – грустно сказала она, – вы не стесняйтесь, располагайтесь. Я сама-то не сплю здесь. Это Андрюшина комната, тут всё так и осталось, как когда-то при нём. Я как заскучаю, то посижу за его столом, альбомы рассматриваю. А семьёй они всё больше за рубеж. Там сервис – условия, значит. Мы с Тимофеем вдвоём, привыкли уже. Вот так и живём.

Пушистый зеленоглазый кот уютно сощурился и ласково потёрся о ногу хозяйки.

Комната была светлой, просторной. Дмитрий с интересом рассматривал фотографии на стенах. Вот молодые: Пётр Данилович и Мария Васильевна, а это они уже с сыном Андреем, когда мальчик в школу пошёл. А вот и молодожёны –

Андрей и Тамара – белокурая кареглазая красавица с тяжёлой льняной косой, уложенной венком вокруг головы.

– А это Митенька – внучек. Он тогда ещё маленьким совсем был. Сейчас-то уже курсант Нахимовского морского училища. На красный диплом идёт, – раскрасневшись, гордо произнесла хозяйка.

Ольге было искренне жаль эту одинокую добрую женщину, которая согласилась приютить их на три недели в своём чистом и гостеприимном доме за символическую плату. Они долго и тщательно вместе с мужем выбирали для неё подарок. Остановившись на красивом трёхлитровом самоваре, Ольга придумала к нему дополнение – расписанный маслом, ручной работы фарфоровый чайник, который удачно разместился в верхней части самовара. В последний день, перед дорогой, она купила вышитые красным узором полотенца – рушники, которые завершили эту композицию для русского чаепития. «Красота!», – довольно произнесла девушка, упаковав подарок в яркий прочный пакет, который завязала красной атласной лентой. У неё возникло странное чувство, как будто бы подарок предназначался маме. Такое Ольга ощущала ребёнком в День 8-го Марта, когда с трепетом отдавала матери сделанное собственными руками потаённое своё рукоделие. В маминых глазах в эти минуты вдруг вспыхивали радостные, озорные звёздочки, она обнимала дочь и кружила её. Закружившись, они падали на диван и вместе любовались её работой, рассматривали каждый стежок, каж-

дый завиток. Ольга стряхнула с себя это нечаянное видение детства, слезинка, обжигая солью, скатилась по её щеке.

В эту ночь ей долго не удавалось заснуть. Ольга прислушивалась то к звукам ветра за окном, журчанию ручья где-то неподалёку, то к мерному дыханию сына. Мироша как будто и не удивился их новому месту, с аппетитом угощался сахарными шанежками с тёплым молоком. А чёрный, с седыми усами, Тимофей не отходил от мальчика, охраняя каждый его шаг. Кот так и заснул в ногах ребёнка, свернувшись пушистым калачиком. Ольга встала, подошла к приоткрытому окну, вдохнула всей грудью, ощущая аромат трав и цветов, идущий из палисадника. «Целых три недели, наконец-то», – тихо удовлетворённо произнесла она.

Чемодан стоял не распакованный, возле тумбочки в лунном свете виднелся футляр с инструментом мужа, и только небольшая дорожная сумка была разобрана, и вещи Мироши, сложенные аккуратной стопочкой, лежали в комод. «Всё завтра, – подумала она, – всё завтра».

Утреннее солнце гостеприимно освещало просторную комнату. Вечером она показалось Ольге значительно меньше. У окна стоял большой круглый стол, покрытый льняной вышитой гладью, скатертью. «Видно, Мария Васильевна немало часов провела над этой кропотливой работой. «Как интересно подобраны цвета», – подумала девушка. Под столом спрятались четыре табурета, обитые тканью в цвет скатерти. Лёжа в постели, Ольга медленно изучала убранство

их нового жилища. Взгляд остановился на старинной, слегка потёртой иконе размером примерно тридцать на тридцать сантиметров. Икона стояла на тумбочке, а перед ней горела маленькая лампадка, расширяясь вниз небольшим конусом. Бесшумно вынырнув из-под одеяла и машинально сунув ноги в тапочки, девушка подошла ближе, чтобы как следует рассмотреть икону. Взгляд её буквально прирос к портрету: лица Божьей Матери с сыном были так невероятно красивы и глубоки, миндалевидные вытянутые глаза Девы Марии лучились спокойствием и любовью. Носы прямые, значительно длиннее, чем у обычных людей. Мальчику можно было дать лет пять – шесть. Прижавшись к Матери, он удерживал в правой руке свёрнутый рулоном свиток, а Дева Мария, обнимала сына двумя руками за плечи, устремив свой взор сквозь пространство – в века, в далёкое новое будущее. Это величие и красота моментально заставляли забыть обо всём на свете. И всё вдруг показалось Ольге таким маленьким, не важным, таким надуманным и не наполненным смыслом. «Так вот почему они бросали всё, всё, что было у них до тех пор, оставляли дома, дела, семьи и шли за Ним, доверяясь безраздельно, как малые дети», – подумалось ей. И хотелось пить из этого неиссякаемого источника, пить глазами, всем своим существом, наполняясь его силой и простотой. Девушка вздрогнула. Мария Васильевна мягко припонулась к её руке.

– Пойдём во двор, пусть поспит, – кивнула она на Диму, –

дорога долгая была, пусть отдохнёт подольше.

Они спустились по ступенькам крыльца. Мироша, расположившись в траве под кустом жимолости, с интересом что-то рассматривал. Рядом, растянувшись во весь свой гигантский рост, возлежал Тимофей. Шерсть у него была густая, ровная, переливалась на солнце. Увидев Ольгу, мальчик бросился навстречу, радостно обхватив за шею двумя ручками, прижался к матери. Ольга обняла малыша: «Умываться пойдем?»

– Да мы уж умылись ключевой водичкой, и молока уже попили с пирогом. Вон там, возле бани, у меня рукомойник. А рядом ведёрко, утром к ключу ходила, там у нас вода особенная. Умоешься, и силы на весь день.

– Мария Васильевна, а что это у Вас за икона там стоит?

– Ты, деточка, меня тётей Машей зови, так оно короче будет. А это моя любимая – «Умиления» называется. Их – «Умиления» – две есть. Одна, где Мария без младенца, вниз смотрит и руки на груди крестом сложены – это не умиление, а вроде покорность какая-то, а вторая – которую ты разглядывала. Мне её отец Серафим подарил. Он когда в деревню к нам переехал, то много икон с собой привёз. Я как в Часовню ходила, частенько к нему наведывалась. И так мне эта икона приглянулась, глаз не оторвать. А он заметил, конечно. Так интересно рассказывал, откуда та икона, откуда эта. Я думала, ну как же это человек всё помнит, столько всего знает. А когда Андрюшенька уехал от нас, а через несколько

лет Пётра Даниловича схоронили, Царствие Небесное, так Серафим мне эту икону и подарил. Принёс и сказал: «Она теперь тебя охранять будет, не даст печалиться. Уныние – грех великий. Радоваться всему нужно, удивляться. «Будьте, как дети. Слышала про то?» И не поверишь, как у меня эта икона появилась, я каждый день чему-нибудь да радуюсь: солнышку, дождю, случайному человеку. Вот вы приехали – радость. Всё деточка живёт, всё к свету тянется, всё радуется. . . . Только по-своему, просто мы не замечаем.

– А где сейчас отец Серафим?

– Да нет его уже, лет пять уж как ушёл. Могилка в палисаднике, от Часовни недалеко. Я вот только второй день, как цветы поставила, не даю цветам завянуть. Летом через день свежие ставлю. Мы пойдём к нему как-нибудь с тобой. Я тебе её покажу и Часовню нашу, Пётр Данилович там в своё время хорошо потрудился. У нас много чего тут интересно-го есть.

Мироша потянул мать за руку в сторону жимолости.

– Что там такое?

Ольга подошла, Мироша показывал на большую, всю в волосках, зелёную гусеницу. Та вальяжно поднимаясь всем туловищем, шествовала вдоль выложенных уголкем кверху, декоративных камушков.

– Это гусеница, она травку кушает, хочешь посмотреть?

Ольга взяла гусеницу двумя пальцами и, положив себе на ладонь, поднесла ближе, чтобы малыш мог рассмотреть.

Насекомое замерло в её руке. Мироша внимательно разглядывал, аккуратно глядя пальчиком по волоскам на спине. Потом он залиvisto рассмеялся, взял двумя пальчиками насекомое и аккуратно положил в траву. Ольга погладила мальчика по голове. Почувствовав на себе взгляд, девушка обернулась к крыльцу, на пороге стоял Дмитрий.

– Да я никак всё проспал, самое интересное, наверное? – весело произнёс муж, обняв Ольгу за плечи и ловко подхватив другой рукой малыша.

– Умывайтесь, Оля покажет где. Я уже вам на летней кухне стол накрыла, – светло произнесла женщина. Её глаза лучились радостно и чуть-чуть грустно, как будто бы она что-то хранила в бездонном тайном колодце своей необъятной души.

– А мы у родника и умоемся, – весело подмигнул Дмитрий жене, правда, Оля?

– До родника минут пятнадцать, если напрямик через лес. А если по просеке, то все двадцать пять, – сказала хозяйка.

– А ты как знаешь? – оживилась Ольга.

– Я вечером вчера там был, подумал, что нужно завтра всем вместе пойти. Там запах такой, уйти не мог.

– А-а-а, вот где ты вчера пропал, а я переживала, что долго нет тебя.

– А там у нас сейчас Любки цветут. Это ночная фиалка значит, а в народе Любкой зовут. Много названий у неё: «Дикий бальзам», «Любовный корень», «Царские свечи». Ночью

очень сильный запах от неё. А днём совсем не так уже пахнет, как ночью. Ночная фиалка редко встречается, в красной книге этот цветок. А уж сколько про него сказок ходит.

Молодые вопросительно посмотрели на хозяйку.

– Идите к рукомойнику, а про Любку я вам за завтраком расскажу, – звонко произнесла Мария Васильевна, протягивая Дмитрию полотенце.

Ольга отметила про себя, что голос у этой женщины и все её движения, как будто ей лет тридцать отроду. А главное, что-то было в её глазах: сила какая-то и ещё огромная жажда к жизни, ясность, цельность. И всё это, вместе взятое, не давало возрасту Марии Васильевны никаких шансов.

Все дружно сидели за просторным большим столом. Посередине хозяйка поставила новый блестящий самовар. Уж очень ей по душе пришёлся подарок её новых гостей. Из расписного чайничка шёл аромат душистой травы, а рядом на вышитом рушнике стоял резной деревянный поднос со сладкими пирогами.

– Красивая вещица, – произнёс Дмитрий, разглядывая причудливые узоры, искусно вырезанные на подносе.

– Пётр Данилович мастерил. Почитай у всей деревни что-то его руками да есть. У кого наличники, у кого посуда, а у иных и каждая дощечка в палисаднике. Не мог без дела, всё что-то строгал, вырезал. Любили его, уважали. А народу всегда было в доме. Здесь каждая вещь за него говорит. Ушёл человек..... А вроде и не уходил вовсе.

Мироша внимательно слушал взрослый разговор. И казались странным это его не детское спокойствие, взгляд. Тимофей пристроился рядом с мальчиком на краю лавки, уткнулся носом в детскую коленку.

Пироги таяли во рту. Давно не пробовали они такой вкусной стряпни. Тётя Маша, в третий раз разливая ароматный чай, начала свой рассказ:

– Ну, вот значит. Жила в одном селении молодая семья. И всё-то у них было хорошо. Муж работал в поле, жена – по хозяйству. Но вот только не получалось у них с детьми. Муж стал от этого печалиться и часто уходил на берег озера и долго просиживал там, глядя на воду. А местная нечисть решила воспользоваться и заполучить чистую его душу. Оборотилась нечисть путником. Познакомился тот путник с юношей, разговоры разные. А там и вино давай подливать ему. Захмелел парень, стали они в карты играть, и рассказал юноша путнику про все свои печали. Встречи эти становились всё чаще, и стал молодой человек спиваться, стал часто в карты нечисти проигрывать. И как-то раз проиграл он всё, что было у него в карманах. Когда парень пришёл в следующий раз, путник предложил сыграть на счастье и опять выиграл. Тогда путник предложил парню поставить на кон свою душу и Снова выиграл. «Поставь на кон жену», – сказала нечисть.

Юноша расстроенный, побрёл домой и обо всём рассказал своей жене. Выслушав внимательно, жена дала мужу ма-

ленький вязаный мешочек с растением, то была ночная фиалка, и сказала: «Не печалься, как предложат тебе сыграть на меня и на то, что у тебя в карманах, отдай им этот мешочек, посмотришь, что будет».

Путник как в прошлый раз предложил парню сыграть на то, что у того в карманах и на жену. Когда юноша проиграл путнику, то вытащил из кармана мешочек с травой и отдал его нечисти. А мешочек так и прилип к нечисти – намертво, так прилип, что не отодрать. Путнику стало совсем плохо, и он начал просить юношу забрать свой мешочек назад. За свою услугу парень велел путнику отдать ему все, обманом проигранные вещи и счастье в придачу. Выбора у нечисти не было, и путник вернул парню всё, что тот проиграл и счастье тоже вернул. С тех пор в тех местах странных путников не появлялось, а семья обжилась детьми, и жили они все долго и счастливо. А у входа в дом жена повесила вязаный мешочек с ночной фиалкой, чтобы охранять дом от нечисти и несчастий.

Ольга задумчиво смотрела на мужа, затем, переведя взгляд на Марию Васильевну, тихо сказала: «И ваш дом тоже ночная фиалка охраняет?»

– А как же, обязательно, я и тебе подарю такой оберег на счастье.

Девушка улыбнулась.

– Спасибо Вам, мы с Димой хотели немного осмотреться, пройти вниз по берегу. Мироша побудет с Вами? Познако-

мимся со здешними местами немного, тогда уже и его с собой брать будем.

– У нас места необыкновенные, компас с собой возьмите, да и на солнышко поглядывайте. Бывает здесь, что уйдёт человек на час – другой, а его потом всей деревней целый день ищут. Время тут у нас бывает, балуется – будто шутит. И обязательно вещи тёплые, мало ли, задержитесь. Я за Мирошей присмотрю.

Собрав небольшой рюкзачок, Ольга с Дмитрием, обняв напоследок сына и простившись с хозяйкой, отправились вниз по просеке к реке.

Ольга давно читала об этих удивительных местах – местах силы. Она ещё в девичестве мечтала оказаться на реке Тара, познакомиться с пятью озёрами, о которых ходило так много легенд. Ольга была знакома с книгами Михаила Николаевича Речкина. Знала она и о магической силе этих мест, об удивительном космическом кристалле, который якобы оставила нам древняя цивилизация и который находился на дне одного из пяти озёр. Ольга ещё до знакомства с будущим своим мужем читала многотомный роман «Валькирия» современного российского писателя Алексева, который был написан на основе архивов, открытых после 1991 года. В этом романе как раз и описывались события последнего столетия, которые происходили на территории Беловодья и были связаны с борьбой староверов за сохранность Древних Знаний.

Знала также Ольга, что река Тара названа в честь славян-

ской богини Тары, дочери Бога Перуна, которая со своим братом Тархом являлась покровительницей земель Сибири и Дальнего Востока. Святая земля Родов Расы Великой простиралась от Уральских гор по территории всей нынешней Сибири и далее, за территорию озера Байкал до Великого океана – на востоке, и от Северного океана – на Юг, до Иррийских гор (Монгольского Алтая) и Индии. А на территории современного Омска Расичи построили один из главных своих Храмов. Это был Храм великой Расы Славяно-Ариев.

Приезжающие сюда люди неожиданно исцелялись в этих местах от неизлечимых болезней, у иных вдруг открывались новые творческие способности: к живописи, пению, целительству. Но главное, что в этих местах человек ощущал состояние благодати, счастья и покоя, обнаруживая вдруг причастность к единому целому этого необъятного мира. По словам очевидцев, в этих местах можно было наблюдать космические световые явления, иные вдруг слышали необычные звуки, как будто звон небесных колокольчиков. А ещё эта территория стала местом слияния сразу нескольких религий, сосуществующих мирно друг с другом под одной большой крышей. Здесь можно было увидеть символику Славяно—Арийских Вед, наблюдать Тибетских монахов за чтением молитв и мантр, а также индийских йогов, сидящих в медитации и созерцании. И по этой священной земле шли сейчас двое совершенно счастливых людей, даже не ведая, какие волнующие и невероятные события ждут их впе-

реди.

Глава 8

Ясуни были поглощены подготовкой к великим празднествам Элько. Одежда тщательно подбиралась для каждого члена семьи. Крон заранее отослал запрос семье Вельежи, чтобы подобрать у них лучшие ткани и подготовить костюмы к празднику. Род Вельежи издревле славился своими изобретениями. Их ткани и одежду знали во всех уголках планеты. Вельежи устраивали показы своих достижений в родовом дворце «Вельежи». Одеваться у портных из этого рода считалось в обществе турзианцев хорошим тоном.

Лаура примеряла новое платье. Лёгкая ткань кораллового цвета великолепно лежала на её высокой груди, стекая серебристым водопадом и слегка касаясь округлых, но достаточно узких, бёдер. Подол, переходя в газовый шлейф, струился понизу, искрился серебряными звёздочками. Воротник был выполнен в форме лиры с серебристым оттенком. Ткань воротника – последнее изобретение Вельежи, хамелеоном то просвечивала, то исчезала из поля зрения. Для самой модели воротник не был осязаем, обнаруживая себя лишь в большом зеркале. Крон ждал в нижнем холле. Он не должен был видеть жену в новом наряде до предстоящих торжеств, как в день бракосочетания: жених впервые видит невесту в подвенечном наряде только в день свадьбы. Обувь гармонично дополняла платье Лауры. Туфли облегли

изящные стопы до узких щиколоток, устремляясь тонкими волнистыми нитями к коленям. Особым украшением костюма, была тонкая прозрачная ветка с ароматом жасмина – точная имитация ветви родового дерева Ясуней, которую Лаура держала в своей правой руке. Ветка искусно крепилась к запястью, не мешая движениям, была изготовлена из особого материала. Она двигалась вслед за рукой хозяйки костюма, повторяя плавные движения женщины. Подобное украшение, в миниатюре, было прикреплено также к волосам, у левого виска женщины, подсвечивая мягким светом её лицо.

Лаура была довольна новым нарядом. Внимательно обзревая себя в зеркале, женщина улыбнулась: «Крон будет рад, ему должно это понравиться». Она не ожидала такого великолепного исполнения своего нового костюма, искренне в очередной раз отметила: «Вельзежи – искусные мастера». Благодарно обняв на прощанье Сонет – хозяйку дома – и договорившись о следующей встрече, довольная всем Лаура спустилась к мужу.

– В следующий раз, милый, мы приедем сюда с Бёрком и Майет, а напоследок уже будет всё готово для Альзора и Виньо.

– Тебе понравилось? Вижу, что ты довольна.

– Очень, думаю, что и тебе тоже понравится.

Сонет радостно улыбалась, сколько думала она над этим костюмом. Как же долго не приходило решение. Жен-

щине хотелось, чтобы этот костюм как нельзя лучше выразил образ именно Лауры. Это должен быть костюм только для неё. И ещё, он должен обязательно нравиться взыскательному мастеру – ей самой. У Сонет так случилось, что заказчик уходил довольным, а ей казалось, что чего-то недостаёт, какой-то очень важной детали, последнего штриха, аромата что ли. Сонет благодарно смотрела на супругов. Её глаза блестели. «Всё получилось, – думала, – на этот раз всё получилось!»

Праздник наступил.

Кентавры стояли во дворе. Их повседневные атрибуты – луки со стрелами на этот раз были украшены цветами, а головы – лавровыми венками. Кентавры были самым экзотическим изобретением рода Рао. Этот великий Род издревле прославил себя тем, что занимался созданием средств передвижения на планете Турз и за её пределами. В своё время его отпрысками были изобретены и внедрены автомобили, которые использовали энергию солнца и не загрязняли атмосферу планеты, а затем автомобили, передвигающиеся над поверхностью земли – по воздуху. Скорость их была огромна, и позволяла их обладателям быстро перемещаться из одной части планеты в другую. По морям и океанам плавали огромные Фарусины, работавшие на энергии ветра и воды. Управителями всех этих средств передвижения были те же Рао. Сенсационным изобретением этого Рода в своё время стали шитые индивидуально

для желающих сандалии, дающие возможность своему владельцу передвигаться со скоростью более сорока километров в час. Этими сандалиями на Турзе разрешено было пользоваться с 18 лет, по земным меркам. Межпланетные перелёты осуществлялись посредством огромных Цейр. Использование Цейр дало возможность турзианцам познакомиться и поддерживать связь с обитателями других планет галактики Млечный путь. Турзианцы открыли множество планет, где обнаружили разумную жизнь и обитателей с таким же уровнем развития, как и у них. Активно обмениваясь с инопланетянами знаниями и достижениями, турзианцы постепенно оттачивали своё мастерство во всех сферах жизни. Совершая сначала небольшие перелёты по Галактике, постепенно обследуя её, добираясь до всё более дальних её уголков, представители рода Рао наткнулись на сравнительно небольшую планету – Кэй. Кэй была втрое меньше Турза, и населяли её свободолюбивые мощные величественные кентавры. Между турзианцами и кэйинцами возникли отношения взаимопонимания и искренней дружбы. Каждый год, в праздник Элько, Кэйинцы посылали своих представителей для сопровождения хозяев в долину Родовых деревьев. Этот кортеж из Кентавров можно было сравнить с тройкой вороных. Но только турзианцы не пользовались каретами. Они предпочитали непосредственный контакт – верхом. Кентавры обожали прогулки такого рода, и с удовольствием принимали участие в ежегодных празднествах

своих соседей. Отдельные семьи вот уже много лет предпочитали встречаться со своими друзьями с планеты Кэй, приглашая их в качестве почётных гостей на свой праздник.

Крон и Лаура были одеты к празднику. Они разместились в уютной гостиной на первом этаже со старшими дочерьми Аллу, Сваной и их семьями. Всё семейство было в сборе. Все ожидали, когда раскроются двери детских комнат и младшие дети предстанут в своих новых костюмах и с подарками, подготовленными самостоятельно к предстоящему торжеству. Лаура немного нервничала. Ощувив на своём предплечье руку мужа, она улыбнулась: «Да, пришло время, когда мы уже не можем им помочь, посоветовать, как лучше».

– Вот и прекрасно, пора им уже становиться самостоятельными, – Крон не переставал удивляться красоте жены. Вдохнув аромат её волос, подумал, – никогда не привыкну, к этому невозможно привыкнуть.

Нужно сказать, что, супруги всё же надеялись, обнаружить в детских костюмах хоть какие-то элементы, говорящие о деятельности Рода Ясуней – вроде скрипичного ключа или, по крайней мере, обыкновенного колокольчика.

Первой распахнулась дверь комнаты Бёрка..... Повисло долгое всеобщее молчание. Перед всеми предстало довольно странное существо. На огромных куриных лапах размещался круглый, в репейниках и страусиновых перьях, шар. С двух сторон этого шара крепились длинные объёмистые крылья.

Они были сложены втрое и слегка прикрывали массивные куриные лапы. Крыша этого на вид большого осинового гнезда была густо покрыта еловыми ветками с редко разбросанными корявыми шишками. Эта невообразимая конструкция, сделав несколько шагов навстречу зрителям, почтительно раскланялась и, расправив огромные крылья, утыканные перьями, начала размахивать ими, пуская во все стороны потоки пыли и неприятного духа. Затем куриные лапы, непонятно каким образом медленно оторвались от пола, и всё это сооружение, раскачиваясь и балансируя из стороны в сторону, начало медленно подниматься вверх. Зависнув под потолком и призывно фыркнув, Бёрк одним крылом картинно попытался приподнять крышу, будто шляпу, и поприветствовать почтенную публику. Не удержав равновесие, он со всего маху бухнулся на великолепный белый ручной работы ковёр, поднимая до потолка густые клубы пыли.

– Немного не получилось..... вернее, получилось, но не совсем. Представляю вашему вниманию летающий дом для отдыха перелётных птиц, – смешино расчихавшись, в конце концов, гордо произнёс Бёрк.

Лаура старалась улыбнуться: «Я совершенно не представляю, как всё это посадить на Кентавра?»

Подойдя к сыну, она восхищённо промолвила: «Ты был великолепен, друг мой. Мы с папой гордимся тобой,.... правда милый?» – покрасневшись и немного заикаясь, обратилась

она к мужу.

Бёрк замешкался: «Конечно, дорогая. Лучшего костюма я ещё не встречал.....», – он с настороженно перевёл глаза на дверь Майет, а затем, на двери близнецов.

Водрузившись всей своей амуницией на велюровый, молочного цвета, диван, Бёрк снял свой еловый шлем и гордо положил рядом. Все взоры напряжённо обратились к двери комнаты Майет.

Тут раздался гулкий призывный звук рожка. Дверь распахнулась, и на пороге возникла голубая с серебристым отливом высокая ель. Девочка стояла на длинных деревянных, украшенных лесными цветами ходулях. Лаура тихо застонала: «Боже, как же она на них держится? Бедные Кентавры». На плече Майет восседала пёстрая довольно большая сова. Было заметно, что этой птичке совсем не по душе такая странная для неё обстановка. Периодически взмахивая крыльями, птица пыталась взлететь. А Майет одной рукой удерживала свою спутницу за спину, а другой поправляла нахлобученную на голову большую шапку, которая кое-как удерживалась на ушах девочки. Шапка представляла собой макушку большой ели, нарядно украшенную серебряной звездой. Справа в ветвях этого довольно странного дерева, виднелась маленькая камышовая дудочка.

Девочка осторожно, чтобы не соскользнуть со своих странных туфель, взяла дудочку, поднесла к губам, и дудочка протяжно заголосила. Майет насколько могла по-

клонилась в сторону родителей и сказала: «Дорогие друзья, перед вами настоящая лесная фея..... Мамочка, если бы не мои туфли, я бы обязательно вас с папой обняла и расцеловала». В этот момент птица, взмахнув крыльями, поднялась вверх. Гулко ударившись о стену, она шарахнулась в противоположную сторону и медленно опустилась на пол. Ведь, как всем известно, совы – ночные птицы и очень плохо ориентируются днём. «Как она смогла её вообще изловить?» – подумала удивлённая мать. Возникло общее замешательство. Майет, ловко соскочив со своих сногшибательных туфель, громко закричала: «Ловите её, она улетит в лес, как я пойду без неё к нашему дереву!» Бёрк, размахивая пыльной крышей своего летающего дома, пытался поймать испуганную птицу.

– Тихо, вы все только пугаете её.

Свана осторожно подкралась к сидящей на полу сове. Накрыв её большим пледом и осторожно взяв птицу обеими руками, девушка посадила её на край окна, приоткрыла одну створку и мягко подтолкнув, крикнула: «Кыш!!!» Фыркнув напоследок, птица медленно опустилась в траву, затем, поднявшись над домом Ясуней, она протяжно ухнула и полетела прочь.

– Мы что-нибудь придумаем, Майет. Ты не расстраивайся. Раз ты лесная фея, то должна понимать, что ночные птицы днём должны спать, а ты, как хозяйка леса, должна охранять своих зверей. Думаю, что обувь тоже придёт-

ся заменить. Наши гости в таких туфлях тебя до места не довезут. Будет достаточно дудочки и звезды, хорошо? – уговаривала сестру разгорячённая Свана

Лаура и Крон облежённо закивали: «Замечательный костюм, дерево обрадуется, тем более, что он соответствует празднику по теме... И вообще, нам всем следует поторопиться».

Все дружно посмотрели в сторону двери комнаты близнецов.

– Альзор! Виньо! Мы все в ожидании! Можете начинать.

– Идите сюда! Идите к нам – на второй этаж, представление будет в нашей комнате.

Крон поднялся первым, все последовали за ним. Остановившись у дверей комнаты Альзора, все напряжённо замерли, ожидая, когда откроется дверь.

– Ну же, входите! Представление начинается!!! – дверь распахнулась.

Перед всеми предстала невообразимая картина. Посередине комнаты располагалась интересная композиция. Лаура сообразила: «Они перевернули кровать». Но на кровать это теперь мало было похоже. С одной её стороны все увидели огромную чешуйчатую голову необычного существа, с другой – был привязан, сделанный из толстых верёвок, сплетённых в один мощный жгут, выкрашенный в тёмно-коричневый цвет, огромный хвост. В центре перевернутой кровати торчали чешуйчатые острые гребни. Они, по-

хоже, тоже были сделаны из веревок, но более тонких. Вокруг располагалась вся имеющаяся в комнате мебель. Она была разрисована в зелёный цвет – цвет леса, и украшена всеми возможными трофеями, которые только можно было втащить в комнату через окно. Мальчики стояли напротив друг друга, одетые в шлемы и латы, очень похожие на рыцарей из сказок. Лаура вспомнила, что встречала в старой библиотеке на чердаке иллюстрированную книгу сказок. Но книга эта была так далеко и надёжно запрятана, что сама женщина вряд ли смогла бы её отыскать. Альзор нажал кнопку, и вся комната наполнилась громкими пронзительными звуками. Мальчики, приняв воинственные позы и обнажив острые блестящие длинные мечи, принялись изображать бой с чудовищем. Чудовище периодически вертело головой, взмахивало хвостом, грохоча об пол, и выпускало из своей зубастой пасти настоящие огненные клубы и стрелы. Стрелы, разлетаясь во все стороны, продолжали тлеть, испуская едкий неприятный дым. Мальчики, пританцовывая, изгибаясь и подпрыгивая, пытались оседлать свою перевернутую кровать. Масштабы задуманного ошеломили всех, но всё же, нужно было признать, что весь этот спектакль был не вполне продуман близнецами. Присутствующие стояли, прикрыв салфетками носы, и искренне ожидали, когда уже всё закончится. Только Майет и Бёрк, восхищённо наблюдая за происходящим, кричали и улюлюкали, помогая своим отважным братьям в этой

неистовой битве. Затем Альзор победно поднял вверх голову поверженного чудовища, обтёр платком вымазанный алой краской меч и не спеша опустил его в чехол. Виньо, размахивая огромным верёвочным хвостом, пытался найти чехол от своего меча, обронённый им в запале битвы.

– Дракон повержен!!! Вы все в безопасности!

Сняв шлемы, мальчики дружно поклонились гостям. Шеи их были густо измазаны дёгтем и смолой, которыми они решили выкрасить свои доспехи.

Бёрк и Майет бросились поздравлять и обнимать своих освободителей. Затем все дети дружно захлопали в ладоши и запели свой победоносный гимн. К ним поочередно присоединились Свана, Алу, их мужья, Лаура и Крон.

Крон обнял жену: «Не волнуйся, дорогая, завтра я проведу разбор полётов, и все будет убрано и возвращено на свои места. Ты даже не увидишь разницы. Ведь в праздник не стоит расстраиваться из-за таких пустяков. И ещё... я очень люблю тебя».

Лаура благодарно посмотрела на мужа: «И я... очень»

– Сейчас мы всё уладим, милая. Идите в сад. Там Кентавры у озера, пообщайтесь с ними, мы сейчас выйдем.

Крон позвал Алу и подошёл к мальчикам: «Ну-ка, в душ... я кому сказал, быстро раздевайтесь! Вот я завтра займусь вами. Алу, у меня в кабинете в правом ящике стола склянка. Это новое средство защиты для твёрдых поверхностей. Обработай эти „доспехи“, ... голову, хвост, ... и мечи не за-

будь, уже совсем не осталось времени».

Мальчики, скинув всё, что они добывали и делали с таким трудом, бросились в душ.

Процессия семьи Ясуней, восседая на гордых, с льяными гривами, Кентаврах, не спеша двигалась в сторону Эль. Каждую семью Эль приветствовала по-своему. Когда Ясуни въехали на её территорию, раздался звон небесных колокольчиков: сначала еле уловимый, будто звон хрустальной посуды. Постепенно звон этот перешёл в мелодичный звук. Мелодия как будто переливалась из одной хрустальной чаши в другую. А эти чаши находились друг напротив друга, в разных сторонах Эль. И вся эта симфония сопровождалась игрой света. Из этих воображаемых чаш навстречу друг другу над землёй потянулись разноцветные радуги, образуя большой сверкающий купол. Ясуни, замороженные звуком и светом, оказались в центре под этим мерцающим шатром. Вся семья выстроилась в круг по периметру этого цветового зала, в центре которого оказались мальчики – близнецы. И тогда сверху из-под купола на Ясуней пролился мерцающий звёздный дождь. Все увидели, как впереди открылись двустворчатые двери, а внизу возникла дорожка – яркая разноцветная радуга. Обратив взоры по направлению дороги – радуги, Ясуни заметили вдалеке арку, увитую белыми и кремовыми цветами, точно такую, как видел Альзор в ту ночь. «Как странно, нет ни плато, ни узкого перешейка, ни пещеры. И совсем другой рельеф, – размышлял маль-

чик, – Эль постоянно трансформируется, меняет свои формы, цвета, растительность. Как интересно». Мысли, одна опережая другую, проносились в его голове с молниеносной быстротой. «Нужно наблюдать за Виньо, нужно помочь ему вспомнить. Сейчас единственная возможность, больше такой не будет», – решил про себя Альзор.

Ясуни друг за другом двинулись по тропинке-радуге. Переступив порог арки, семья оказалась в Эльском саду Родовых деревьев. Мальчик заметил про себя, что того эффекта лёгкости передвижения по саду, как в ту ночь, сейчас не было. Он посмотрел на брата. Виньо шёл рядом, с интересом оборачиваясь по сторонам, будто видел всё впервые. Родовое дерево сразу узнало Ясуней. Оно вдруг заволновалось всеми своими ветвями, радостно зашумело, зашелестело своими глянцевыми листьями, засветилось и пришло в какое-то трепетное необычайное волнение. Ветви его, раскачиваясь на ветру и переговариваясь между собой, гостеприимно приветствовали идущих к нему людей. От дерева к Ясуням потянулся серебристый луч, который подсвечивал им путь. Дерево как будто приглашало подойти ближе. Близнецы так разволновались, что забыли обо всём: о своих доспехах, драконе, сражении, мечах. Когда все подошли, дерево низко наклонилось своими ветвями, ласково обняло Ясуней и вдруг тихо прошелестело, как будто кто-то прошептал: «Азорэль, Азорэль, Азорэль». Это звучало мелодично ласково и немного странно, но все Ясуни, от ма-

ла до велика, поняли своё дерево, его язык. Они поняли, что Азорель значит – Жизнь. Затем дерево, соорудив из своих нижних ветвей небольшие ясли, опустило их прямо к ногам Виньо. Внутри ясли были украшены белыми жемчужными цветами. Жемчужины так и переливались в свете посланного гостям луча. Мальчик, как во сне, шагнул вперёд и оказался внутри этой ветвистой колыбели. Ясли стали подниматься вверх, сначала, совсем немного – на уровень кустарника, затем выше, ещё выше и оказались, в конце концов, на уровне кроны дерева, как раз в том месте, из которого рождался луч. Дерево ласкало Виньо, нежно приговаривая ему на ухо, как будто рассказывало мальчику необыкновенную сказку. Ясли при этом медленно покачивались, озаряя Виньо светом своих жемчужных белых цветов. Затем медальон на шее мальчугана каким-то чудом раскрылся, и сверху в него посыпались легкие сверкающие снежинки.

«Я вспомнил, Вспомнил!!! Мама, Альзор!!! Я всё вспомнил», – Виньо смеялся, плакал, и опять смеялся, растирая слёзы по щекам, но то были слёзы радости, детского неподдельного счастья. Дерево бережно опустило ясли к земле, и мальчик соскользнул наружу. Обнимая брата, он из всех сил прижался к нему всей грудью. «Это от волнения, ты просто испугался, дорогой. Очень высоко было. Что ты вспомнил? Расскажи нам», – Лаура гладила сына по волосам, доставая платок. Когда всё успокоилось, в центре Родового дерева Ясуни увидели огромное дупло, из которого

простиралась широкая дорога, ведущая внутрь дерева. Ясуни уже не раз бывали там – в гостях. Это было приглашение на просмотр достижений семьи. Поочерёдно, ступая по белому мраморному полу, они поднялись по белокаменной лестнице вверх и оказались в большом просторном зале, где были расставлены их новые инструменты. Рассевшись на свои исполнительские места, взрослые принялись подстраивать инструменты, готовясь к исполнению приветственной Увертюры. Дети заняли свои места в зрительном зале.

Альзор изо всех сил сжал руку брата: «Это теперь наш общий секрет, классный не вызывал родителей. Не стоит их волновать. Зачем нам лишние расспросы? Если хочешь, давай лучше всё расскажем Лун».

– Тишина в зале, – строго произнёс отец и взмахнул дирижёрской палочкой.

** * **

Глава 9

« Благие деяния вершить на Мидгарде , всей Расе Великой заповедали Боги. ^{2 3 4}

Небесным законам и Совести внемля, они созидать должны в Темное Время , ⁵

И приучить жить по Божьим Законам другие народы в Мидгарде прекрасном.

Родам помогла творить Божья Сила, на деянья благие их Жизнь направляя.

Подпитывал Расу заветный Источник, что сохранялся в урочищах древних. ⁶

Предвидели Темень на Мидгарде Боги и Расы потомкам помочь порешили.

Творилось сие в стародавнее время, когда Три Луны над Мидгардом сияли.

*, но доступ к нему скрыт в урочищах давних. **В недра земли помещён был Источник***

В глубинах земных он накапливал силу, в разных местах на поверхность являясь.

² Благие деяния – взаимопомощь, творчество, созидание.

³ Мидгард – планета Земля, находящаяся на периферии Галактики Млечный Путь.

⁴ Раса Великая – Сильный народ (белые люди), заселивший громадные территории Европы и Азии Мидгарда.

⁵ Тёмное время – время деградации человечества (в том числе, наше время).

⁶ Урочище – поселение в особо Священных местах.

*Но вечный Источник Божественной Силы
не в каждом краю Свято Расы струился.*

*А только в местах, где согласно преданью, Боги
в Мидгард силы Жизни вложили.*

*Они наделяли Мир Божеским Смыслом, к великим
свершениям Роды направляя.*

*И вот возвращаясь к родимым хоромам, с Родной
Стороны пришли тёмные вести:*

*Вороги скрытно вторглись в пределы, порушив
святыни у х'Аарийского моря.⁷*

*Их цель – разыскать заветный Источник, чтоб
Расичи Силы навечно лишились».*

Славян Арийские Веды.

«Источник Жизни, Весть третья»

* * *

* * *

Настоящее время. Галактическая справка планеты Земля.

Местоположение – Галактика Млечный Путь. Солнеч-

⁷ Вороги – враги из пекельного (тёмного) мира. Издревле велась война (Асса) между силами Светлых и Тёмных миров.

ная система расположена на периферии галактики, 10 кпс. от центра.

экспериментальная планета, созданная для совершенствования отклонившихся от Белого пути, Душ. **Назначение:**

право выбирать, закон причинно-следственной связи. **Основные законы для разумных обитателей планеты:**

(историческая справка) **Разумная жизнь :**

– эфироподобные существа – ангелоподобные люди. Рост 40 – 50 метров. Язык – отсутствует. Связь с высшим Разумом – телепатическая. Размножение – путём деления и почкования. Получение знаний – путём подключения к Всеобщему информационному полю. **Первая раса**

– бескостные призракообразные существа, более плотные. Рост 30 – 40 метров. Общение – путём передачи мыслей. Размножение – путём почкования и спорообразования. Получение знаний – путём подключения к Всеобщему информационному полю. **Вторая раса**

лемурийцы. Ещё более плотные существа с костной системой и разделением полов. Рост – до 20 метров. Общение – путём передачи мыслей. Поздние – лемурийцы – атланты. Рост 7—8 метров. Размножение – половым путём. Высокий уровень технологий. Получение знаний – путём подключения к Всеобщему информационному полю. **Третья раса** – атланты. Плотные существа. Рост 3 – 4 метра. Размножение – половым путём. Общение – высокоразвитая речь (как

основа современных языков, в том числе, санскрита). Получение знаний – путём подключения к Всеобщему информационному полю. Воевали между собой. **Четвёртая раса –** рийская раса. Рост 2 – 3 метра. В настоящее время – до двух метров. Общение – посредством языка. Размножение – половым путём. Подключение к всеобщему информационному полю – отсутствует. Доступ к полю открыт для посвящённых учителей. Ведение на планете постоянных локальных и глобальных войн. Нарушено экологическое равновесие планеты. **Пятая (современная) раса – А**

Состояние планеты:

Чистая, не загрязнённая человеком, вода – 4 процента от всей массы воды планеты.

Степень загрязнения, превышающая норму – 40 процентов всей массы воды планеты.

На грани исчезновения – 50 процентов коралловых рифов и морских водорослей.

Нарушены экосистемы всех омывающих материки вод.

Кислотность вод мирового океана – превышение в 10 раз.

Вода, пригодная для питья, без предварительной очистки – 1 процент всей массы воды на планете.

Исчезновение лесов на планете – 11 миллионов гектаров ежегодно, что в 10 раз превышает масштабы ежегодно восстановленных лесов.

Планета ежегодно теряет 30 000 видов живых организмов.

К началу 21 века популяция пресноводных рыб сократи-

лась в 2 раза.

За последние 100 лет содержание витаминов и микроэлементов в овощах и фруктах снизилось на 70% из-за истощения почв, генно-модифицированных продуктов и загрязнения окружающей среды.

Состояние человека:

Смертность от загрязнения окружающей среды – 40 процентов от общей смертности.

Наличие вирусов, паразитов. Появление заболеваний третьего типа.

Население на планете увеличивается ежегодно на 90 миллионов человек.

Запас пригодных для сельского хозяйства земель ежегодно сокращается на 6—7 миллионов гектаров.

За последние 6 тыс. лет человечество планеты пережили 14 513 войн, в которых погибло 3640 миллионов человек.

К концу 20 века затраты на вооружение на планете составляли 1 триллион денежных единиц! Это превышает общие расходы всех стран на медицину, образование, жилищное строительство и экологию.

Ежегодно человечество уничтожает 1% всех животных планеты.

Духовность разумных обитателей планеты:

Накопленная негативная энергия в поле планеты к 2021 году, по настоящему летоисчислению Земли, достигнет своей критической массы.

Сущие планет экстренно собрались по зову Единого.

– Огласите результаты эксперимента по планете Земля.

Наблюдатель представил краткую галактическую справку планеты.

– Каков был изначальный срок эксперимента?

– Плюс 30 миллионов лет к 2000 году по летоисчислению Земли.

– Что вами предпринято, чтобы сохранить планету?

– Мы оставили им КРИСТАЛЛ.

– Продолжайте.

– Добраться до него могут только сами Земляне. «Пекельные» не знают, что при достижении критической массы негативной энергии – Q планета будет уничтожена. Они в сговоре с Землянами. Им удалось обратить более половины обитателей планеты, извлечь и вывезти из недр Земли половину всего золотого запаса планеты.

– Какую поддержку вы оказали Землянам?

– Мы оказали поддержку, – вмешался наблюдатель планеты Турз, – мы отправили Вирабха с программой по извлечению КРИСТАЛЛА. Немного не вписываемся в их Земное время. У них очень быстро идёт набор Q.

– Вы знаете, что галактика трансформирует Q в три раза медленнее, чем её набирает Земля. На то чтобы удержать гармонию в галактике у Землян есть не более тридцати земных лет. Для вас – это мгновение. Что на это скажете?

– Мы это учитываем. Думаем.

– У вас есть только тридцать земных лет, – обратился Единый к наблюдателю Земли, – Подготовьте на случай обнуления планеты исход Душ в их прежние места обитания, в соответствующие им мерности. И помните, в случае неудачи Души сгорают. Все свободны.

Глава 10

Ольга с Дмитрием шли правым берегом Тары. Травы, цветы, деревья – всё было наполнено солнцем, влагой, цветом, соком – благодатью этого необыкновенного, нетронутого жадными руками, удивительного края. Всё жило, тянулось к свету, не ведая страха и забот, дышало и лучилось своей беззаботной естественной красотой. Откуда-то всплыла фраза: «Взгляните на птиц небесных. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а Отец наш Небесный кормит их», – Ольга наблюдала пчелу на цветке. «Да, это и есть полноценная, в гармонии с небом, не ведающая о смерти жизнь. Потому что смерти нет. Есть бесконечно дающая, перетекающая, меняющая свои формы и не требующая ничего взамен жизнь – как дар. Бесценный дар всем нам: этой пчеле, цветку, реке... Нам... Мироше...»

– Давай спустимся к озеру, – предложил Дмитрий, – вон там, видишь? Вода.

– Это, которое из них? Посмотри по карте?

Дмитрий достал карту. Отчётливо прочерченный маршрут обозначился красной нитью с небольшими пронумерованными кружками. Они с женой долгими зимними вечерами изучали и размечали карту, тщательно продумывая и прорисовывая свой будущий маршрут. Мечтали, планировали, спорили. И вот всё происходит. Всё, о чём когда-то

мечталось, отразилось на бумаге и обернулось явью.

– Похоже, что Я даже не скажу, какое. По карте, здесь нет водоёма.

– Судя по времени, до наших озёр ещё далеко, что же это там светится? Будто вода плещется. Слышишь?

Молодые настороженно прислушивались к окружающей их тишине – благодати.

И кажущаяся тишина, хозяйка этих необыкновенных мест, благосклонно отозвалась шелестом листвы, скрипом дерева, звуком сухой ветки, зацепившейся и нечаянно сорвавшейся, птичьим свистом, треском кузнечика в траве и много ещё чем, непривычным городскому человеку. Не сговариваясь, словно не желая нарушать этот стройный хор звуков, молодые двинулись по направлению к водоёму. Только трава своим шуршанием выдавала присутствие в этих местах гостей.

– Кукушка, слышишь? – прошептала Ольга.

– Считай.

– Не буду.

– Ну, хоть мне-то посчитай, – улыбнулся Дмитрий, стараясь говорить спокойно.

Зная чувствительность и чуткость жены, он пытался разрядить атмосферу, хотя и ему было как-то не по себе в этих местах.

– Не нужно и тебе, – Ольга прикоснулась к руке мужа, – ой, смотри, голубика.... Да нет, вон там, за тем пнём. И ещё

что-то красненькое, видишь?

Набрав горсть, она протянула руку: «Ароматная какая. Сладкая.....»

– Тихо... Слышишь звук?

Ольга прислушивалась: «Звон и ещё какое-то жужжание, будто свист».

Раздвинув частый кустарник, пройдя метров тридцать, молодые заметили, что тропинка, по которой шли, как-то незаметно исчезла из виду. Приходилось идти, балансируя, а ноги проваливались во что-то мягкое, вязкое.

– Болото, возьми. Не наступай, пока не проверишь, – Дмитрий протянул жене толстую палочку длиной около метра, – и главное, не торопись..... А ты нас этим смешным препятствием не напугаешь.

– Ты кому это?

– А оно знает. Кому надо, тот знает.

Ольга улыбнулась про себя: «Это он меня так успокаивает».

Никакая бы сила не заставила сейчас эту хрупкую девушку повернуть обратно.

– А-а-а-а... Красота какая...

Перед ними, словно из-под земли, возникло небольшое круглое озеро. Оно раскинулось, словно широкая аквама-риновая чаша, окружённая низким нечастым кустарником. Листья кувшинок, плоские, как блюдца, сонно и неподвижно лежали у самого берега. Лес вокруг в основном листвен-

ный: ракета, осина, берёза. Казалось, озеро было прозрачным до самого дна. Небо, кусочек солнца и лес отражались в его спокойной тихой воде. Цвет воды был везде разный. По берегам – ярко зелёный, будто там, на дне, в глубине, обитало царство ярко-зелёных, просвеченных солнцем трав. А к середине вода вдруг резкими круглыми очертаниями меняла цвет и становилась аквамариновой, как в море. Озеро было совсем небольшим и просматривалось всё целиком. А главное, оно просвечивало до самой глубины. Дмитрий и Ольга увидели на поверхности воды, ближе к центру два отчётливых кольца серо-синего цвета. А вокруг и внутри одного из колец, того, что в центре озера, обозначались окружности, расположенные на одинаковом друг от друга расстоянии. Окружности расходились до самой аквамариновой границы воды.

Неожиданно, в центре озера возникло лёгкое движение. Ольга про себя отметила, что было совершенно тихо, ветер не ощущался. Вода в озере начала закручиваться от внешней границы обозначенных окружностей по направлению к кольцам. Это кружение напоминало закручивание водных спиралей, стремящихся к центрам колец. Рядом не было заметно каких-либо ручейков или родников, питающих озеро.

– Может, это подземные ключи? – предположила девушка.

Неожиданно, над раскручивающейся водой центрального кольца обозначилась световая спираль, поднимающаяся

из воды, из центра воронки кольца, вверх, и другая – опускающаяся сверху в воронку центрального кольца. Это напоминало нити накаливания в электрической лампочке, только огромного размера. Движение света сопровождалось звуками – жужжанием и тихим высокой частоты писком. Ольга с Дмитрием, как замороженные, наблюдали, что же будет дальше. Спирали поиграли, будто завлекая зрителей, и постепенно свет над озером стал ослабевать, а вода – замедляться. Озеро как ни в чём не бывало смотрело на них, будто насмехалось, хитро подмигивая гостям золотистыми солнечными бликами.

Дмитрий глянул на часы: «Мы здесь всего час. Может, на первый раз достаточно?»

– Да... Мироша, наверное, уже соскучился. Давай возвращаться.

Обратная дорога обеим показалась столь долгой, будто бы прошли они километров пять, хотя от берега Тары до озера, казалось, было метров двести пятьдесят. Шли молча. Не хотелось расплескать наполнившую их до краёв красоту. Да и тишина была так уместна вдали от большого суетного города. Незаметно для обеих спустилась прохлада, окутывая лес подоспевшими сумерками. Когда пошли вдоль берега Тары, было почти темно. Лес угрюмо прощался с людьми, проникая ветром под тонкую ткань курток. Только Луна и звёзды маленькими струйками света стекали по водной глади реки. Домой вернулись за полночь.

– Странно, – думала Ольга, – а время будто остановилось там, на озере... Заманило и обмануло.

Девушка поёжилась, очень уж неприятлива была здешняя темнота, даже звёзды не радовали. Хотелось оказаться быстрее в тёплом, человеческом месте. Спасаясь от тревожных мыслей, девушка начала думать о сыне.

– Слава Богу! – всплеснула руками Мария Васильевна, – я уже подумала, вы заблудились.

– А Мироша, как он? Не устали с ним?

– Да что вы, мне радость хоть с мальцом понянчиться. Митеньку мне не довелось в своё время нянчить. Андрюша его два раза всего сюда привозил. А Мироша – дивный, ласковый мальчик, со мной, как с бабушкой. Мы с ним и сказки читали, и стихи разучивали.

– Как стихи? – Ольга вопросительно посмотрела на Дмитрия.

– Стихи! Мы с ним всего Айболита почти выучили. А вот к чему он прикипел, сказка есть «Конёк – горбунок», знаете такую? Раз пять я ему эту сказку читала, а он всё уговаривает, ещё и ещё.

– Тётя Маша, Мироша у нас не разговаривает совсем, – тихо произнесла девушка.

– Как это не разговаривает? Ещё как разговаривает! Завтра сами узнаете. Я ещё удивилась, такой маленький, а всё понимает. Подумала, вот родители молодцы, с ребёнком как занимаются.

– Да, чудеса, всё допускаю, но такого... – Дмитрий радостно обнял жену, обратился к хозяйке, – спит?

– Спит. В десять уснул, не капризничал, молока топлёного попили с ним и в кроватку. Всё как положено. А вы, поди, проголодались? Я вас к обеду ждала. Давайте чайку вам поставлю, мы с Мирошей смородины набрали. Умойтесь, вместе повечеряем. Расскажите, где были, кого повстречали.

– Мы, тётя Маша, были тут на озере, совсем недалеко, видели свечение. Такую красоту не расскажешь, лучше своими глазами на неё посмотреть.

– Это вы что же, до самого Щучьего добрались? – удивлённо произнесла женщина.

– Да нет, это не Щучье было. Мы с картой сверялись. И точно – не Линёво.

– Да нет тут вблизи никакого озера, я здесь все места как по пальцам могу показать.

Ольга с Дмитрием наперебой принялись рассказывать, как шли, какое озеро.

Женщина слушала с интересом, не перебивая, потом сказала: «Дела. Тут рядом никакого озера нет. Приезжали сюда не раз. Всё чего-то искали, спрашивали меня. Но в том-то и дело, что самой мне его увидеть не случилось».

– Вы же сказали, нет его тут, – запальчиво произнёс Дмитрий.

– Да, нет. И, вроде, как и есть оно, – женщина загадочно взглянула на молодых, – давайте-ка к столу.

Когда разлили по бокалам чай с травой, лимоном, хозяйка начала свой рассказ:

«Про то озеро мне отец Серафим рассказывал. Открывается оно не каждому. В моей бытности я не встречала таких людей. Только сказывают, что есть оно и само выбирает, кому показаться, а кому – нет. Когда-то в этих местах упал с неба большой, как это сказать?»

– Метеорит, – подсказал Дмитрий.

– Да, точно так, метеорит. И разбился он на пять осколков. Пять частей, значит. Получились большие овраги, воронки как бы, от этих самых осколков. Огромный был метеорит. А внутри – в земле, в этих местах протекала святая река. Она и заполнила собой все эти овраги. Три озера: Линёво, Щучье и Данилово питает собой эта река. Она их как бы соединяет, все три, и они не так далеко одно от другого. Вода в этих озёрах серебряная. Лечит все болезни. «Живая», значит, вода.

А вот Шайтан-озеро дальше – семь километров от этих мест. Там вода «Мёртвая». И её нельзя брать отдельно от «Живой». Можно лишиться жизненных сил. Вода такая там потому, что в этом месте когда-то давно был построен древний город. В городе этом стоял храм белокаменный. А в храме том хранилась великая святыня – кристалл Мудрости. Кристалл был дан нам – Землянам другими разумными жителями Космоса. И когда на Земле нашей наступят тяжкие времена, то Кристалл этот защитит нашу Землю от погибели. А вот пятое озеро открывается не каждому,

только тем, кого оно выберет, доверится, значит. И мало кто его когда-либо видел. Сказывают, что в местах этих когда-то бывал писатель Пётр Ершов. Жил он давно, в девятнадцатом веке. Побывав на этих озёрах, он в свои девятнадцать лет написал сказку – «Конёк-Горбунок». Три котла из этой сказки с «Мёртвой», «Живой» водой и молоком – это и есть наши озёра. Вода в них волшебная. От неё сила, здоровье, мудрость. Отец Серафим говорил, что сказки несут в себе силу великую и говорят с нами, только на своём языке. Люди не понимают их смысл, потому легкомысленно относятся, сказка, мол, значит, вымысел. А ещё он говорил, кому Потаённое озеро откроется, тот благословен небом. Вот я и подумала, уж не оно ли вам сегодня показалось? Даже не знаю, что и сказать», – глаза хозяйки светились радостным огоньком.

– Мария Васильевна, а правда это, что кто во всех пяти озёрах искупается, исцелится и обретёт знания и мудрость великую? – спросила Ольга.

– А как же, деточка, непременно, и здоровье и мудрость. Обязательно. Ну да, утро вечера мудренее. Скоро уже светать начнёт, отдохните немного. Завтра важный день. Я вас к Часовне свожу, могилку Отца Серафима увидим. Познакомлю вас с ребятами хорошими. Они в наших местах уж месяц как в гостевом доме поселились. Славные ребята такие. Даже грозу умеют останавливать. Пойдёмте, отдохнуть вам надо.

Глава 11

Дорога широкой лентой то поднималась высоко вверх, то опускалась, минуя небольшие озера, островки леса, болотца, заросшие частым камышом. Если бы это можно было наблюдать сверху, то напоминала бы эта дорога огромную синусоиду, плывущую по яркому зелёному ковру. Виньо двигался по этой синусоиде, то соскальзывая с её гребней, то птицей вздымая ввысь над пригорками. Иногда получалось, зависнув над поверхностью, низко парить, то притормаживая, то разгоняясь. Незаметно дорога – лента начала раздваиваться, словно запаздывая одним из своих рукавов. Мальчик двигался поочерёдно по каждому из них. Постепенно график этот стал косичкой из двух дорожек, которые попеременно скрещивались и расходились: одна – вверх, другая – вниз. Это скольжение и полёт напоминали накалывание друг на друга больших морских волн. Виньо несло по этим волнам с огромной скоростью. Минуя очередную точку встречи рукавов дороги, он вдруг оказался внутри этого причудливого рисунка, зависнув в центре одного из витков косы. На мгновение мальчугана ослепило вспышкой яркого света, а в ушах возникли еле заметное жужжание и писк. Ощущение было необыкновенно ярким и чётким. Воздух вокруг ощущался значительно плотнее обычного. В этой новой среде движения замедлились, как будто те-

ло преодолевало вязкую газообразно-жидкую массу. Это напоминало передвижение в солёной воде. Виньо медленно опустился на мягкую шелковистую поверхность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.